

Фильм на основе этого романа получил 7 номинаций
на «Оскар» и выиграл 3 золотые статуэтки

ЭДНА ФЕРБЕР

СИМАРРОН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Эдна Фербер
Симаррон

«Автор»

2026

Фербер Э.

Симаррон / Э. Фербер — «Автор», 2026

Ещё одна оscarоносная книга. Роман Эдны Фербер «Симаррон» — эпическая сага об освоении Дикого Запада, ставшая одним из главных литературных событий 1930 года. Уже в следующем году по книге сняли одноимённый фильм, вошедший в историю Голливуда: он получил семь номинаций на «Оскар» и увёз домой три статуэтки — за лучший фильм, лучший сценарий и лучшую работу художника-постановщика. Фербер, лауреат Пулитцеровской премии, разворачивает действие на фоне легендарной Оклахомской Земельной гонки 1889 года — когда за один полдень тысячи переселенцев ринулись за столбы участки на бывших индейских землях. В центре истории — блистательный авантюрист и адвокат Янси Крават и его верная, стойкая жена Сабра, которым предстоит на протяжении сорока лет строить город из голой прерии, растить детей, издавать газету и переживать взлёты и падения нефтяного бума. Это книга о неукротимой воле к жизни, о цене, которую платит женщина за любовь к беспокойному мечтателю, и о рождении цивилизации из дикого края.

© Фербер Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
I	6
II	12
III	23
IV	28
V	31
VI	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эдна Фербер Симаррон

Предисловие

В этой книге правдивыми являются лишь самые фантастические и невероятные события. Здесь не делается попытка изложить буквальную историю Оклахомы. Все персонажи, города и многие события, описанные в книге, являются вымышленными. Но благодаря изучению скудных доступных записей, документов и исторических источников (включая фонды Исторической библиотеки штата Оклахома), а также благодаря многочисленным беседам с мужчинами и женщинами, прожившими в Оклахоме со дня «Открытия», мне, надеюсь, удалось уловить нечто из духа, колорита, динамики и жизни этого невероятного штата. Безусловно, «Бег», воскресное богослужение в игорном шатре, смерть Исайи и Ариты Красное Перо, поимка банки с нитроглицерином, многие перестрелки, большинство описательных отрывков, весь период нефтяной лихорадки и материал об индейцах осейдж в полном объеме — все это основано на реальных событиях. Во многих случаях совершенно правдивый материал отбрасывался как непригодный для использования, поскольку он был настолько мелодраматичен, настолько абсурден, что казался слишком странным для мира художественной литературы.

Города Осейдж в Оклахоме не существует. Это смесь, пожалуй, пяти реально существующих городов Оклахомы. «Кид» не является тем самым печально известным Билли Кидом из прошлых времён. Не было никакого Янси Кравата — он представляет собой смесь нескольких ярких оклахомских персонажей прошлого и настоящего. Сабры Крават не существует, но она воплощена в десятках яркоглазых, седовласых, чрезвычайно интересных женщин шестидесяти пяти лет и около того, которые рассказывали мне много странных вещей, пока мы беседовали, раскачиваясь на крыльце одного из домов в Оклахоме (теперь затененном деревьями).

В Оклахоме могло случиться что угодно. Практически всё и случилось.

Эдна Фербер

I

Все Венаблы сидели за воскресным обедом. Все эти красивые, типично «венейбловские» лица были обращены, завороченные, к Янси Кравату, который говорил. Совокупный эффект был почти ослепительным, словно от накаливания; но Янси Крават не был ослеплён. Словно солнце, окружённое меньшими планетами, он излучал свет, настолько мощный, что затмевал светящийся круг вокруг него.

У Янси была сбивающая с толку привычка внезапно заканчивать трапезу — по крайней мере, для себя — бросая салфетку рядом с тарелкой, вставая и шагая по комнате или даже покидая её. Это не было преднамеренной грубостью. Он ел мало. Удовлетворив аппетит, он инстинктивно переставал есть; переставал желать созерцать еду. А вот Венаблы часами сидели за столом, неторопливо очищая миндаль, потягивая херес; кузен Дабни Венабл чистил апельсин для кузины Беллы Френч Виан с поглощённой сосредоточенностью скульптора, лепящего из глины.

Венаблы, за обедом странным образом напоминали одну из тех плодovitых и драматичных семейных групп, изображённых в нетрадиционной позе за трапезой на менее духовных библейских полотнах, которые богато сияют на зрителя с великих стен европейских галерей. Хотя их одежда была достаточно сдержанной, что было характерно для того времени — 1889 года — —и места — Канзаса — — он всё же создавал впечатление, будто эти изящные плечи окутаны пурпурными и алыми одедами. Вы не удивились бы, увидев, как вокруг этого стола бесшумно движутся нубийцев в набедренных повязках, несущих на руках золотые сосуды, наполненные экзотическими фруктами или дымящиеся странными пирогами, в которых явно преобладали «язычки соловьев». Чернокожие, по сути, действительно сновали вокруг стола Венаблов, но и они были одеты в традиционную одежду слуг.

Эта ветвь родословной семьи Венабл была перенесена из Миссисипи в Канзас более двух десятилетий назад, но Средний Запад так и не сумел наложить на них свой буржуазный отпечаток. Несмотря на стесненное материальное положение, в этом доме, благодаря какому-то генеалогическому чуду, по-прежнему сохранялись многие из тех очаровательных, отдаленно восточных обычаев, присущих Югу, откуда они происходили. Полуденный обед чаще всего представлял собой своего рода племенное пиршество, за которым растягивались толпы неимущих родственников, таинственным образом появлявшихся при звуке обеденного колокола и аромате запекаемого мяса. Невольные эмигранты, разоренные войной, Льюис Венабл и его жена Фелис привезли с собой в изгнание свои дорогие обычаи, а также великолепный овальный стол из красного дерева, за которым они теперь сидели, и спасённое во время войны серебро, придававшее элегантность дому в Уичите, Канзас. Конечно, красное дерево пострадало при перевозке; и многие из их южных обычаев, перенесенные в Канзас, казались слегка нелепыми — или казались бы, если бы не были окрашены ноткой пафоса. Горячий хлеб Юга, высоко нагроможденный при каждом приеме пищи, по-прежнему сеял хаос в пищеварении. Сковорода и кастрюля для фритюра (обе, пожалуй, в равной степени ответственные за трагедию '64 года), по-прежнему разбрасывали свою смертоносную заливку в этом доме. Действительно, крем-овая бледность женщин из рода Венабл, столь похожая в их девичьей юности на лепесток магнолии и столь неуклонно склоняющаяся к охристому оттенку в зрелом возрасте, была связана не столько с пигментом, сколько с состоянием печени. Хотя семья теперь и была безденежной, по дому ходили три или четыре негритянских слуги — тихо, неторопливо, очаровательно. «Отдохните отдохнуть?» — предлагали они бархатными голосами и гостеприимно, когда вы входили в широкий холл, который казался одновременно таким пустым и таким заваленным. И: «Хотите печенье, мисс Аделина?», — спрашивали они, протягивая ароматную тарелку.

Даже тот канзасский сад был как будто из других широт. Худые гончие дремали в зальтом солнцем беспорядке у входа, и этот беспорядок скрывался и преображался чудом цвета, аромата и цветения. Здесь цвели страстоцвет, глициния и даже бугенвиллия в сезон. Жимолость источала опьяняющую сладость. Ранней весной ландыши пробивали призрачно-зеленые стебельки сквозь мертвую коричневую почву, окружавшую сиреневые кусты. Тот грубый вульгарный цветок, канзасский подсолнечник, был предметом презрения у Венаблов. Если какой-нибудь из них осмеливался показать своё широкое лицо среди ароматных изящных растений того сада, его немедленно обезглавливали. Однажды Фелис Венабл, по слухам, испортила пару очень тонких вышивальных ножниц, когда в порыве гнева выступила в роли палача. Её даже слышали, как она сожалела об отсутствии испанского мха в этом северном климате. Соседка из Среднего Запада, обидевшись, возмутилась этим.

«Но это же паразит! И почти что жутковатый. Я была в Южной Каролине и видела его. Как будто парят, словно призраки. И никакой пользы от них».

«А в Канзасе даже цветы должны быть полезными?» — протянула Фелис Венабл. Она не пользовалась большой популярностью среди суетливых жен Уичито. Им не нравились её белые халаты с оборками и шлейфами из димити с перекрещивающимися полосками; её заостренные тапочки, высокий свод стопы, её безразличие ко всему, что происходило за живой изгородью, окружавшей двор Венаблов; им не нравилась сама изгородь — символ закрытости в этом открытом канзасском городке. Под бархатной маской томности Фелис Венабл скрывался острый кинжал остроумия, унаследованный от её французских предков — старинного рода Марси из Сент-Луиса, миссурийских торговцев мехом почти столетней давности. Отпечаток рода Марси прослеживался в черноте её всё ещё густых волос, в изгибе бровей над тёмными глазами — и в самих тёмных глазах, столь живых на иначе неподвижном лице.

Когда семья собралась за обеденным столом, стало очевидно, что, хотя два десятилетия жизни на Среднем Западе едва ли ускорили речь или движения Льюиса Венабла и его жены Фелис (они по-прежнему обращались друг к другу на «вы»; они клялись «богом»; восемнадцатая буква алфавита для них навсегда останется «а»), это заметно повлияло на молодое поколение. Вдоль длинного стола сидели сыновья и дочери, зятя и невестки; внуки; более отдаленные родственники, такие как приехавшие в гости племянницы, племянники и двоюродные братья и сестры — отпрыски этой разбросанной по всему миру семьи. Когда члены компании, выросшие в более северных краях, восклицали, слушая рассказ, который они сейчас слышали, можно было заметить, что их гласные были короче, дикция — более отрывистая, а поворот головы и поднятие руки — менее неторопливыми. На всех этих лицах было сходство, одно с другим. Возможно, внимательный взгляд, который теперь был у всех на лице, только подчеркивал это.

Был конец мая, и для такой высоты над уровнем моря стояла несезонная жара. К тому же этой весной рано появились моль и июньские мухи. Высоко над столом, прямо над ним, на узкой доске, подвешенной на стержнях к высокому потолку, сидел Исая, маленький чернокожий мальчик. Одной рукой он цеплялся за боковые стержни своего шаткого пристанища; другой — размахивал отпугивателем из перьевых папоротников-спаржи, срезанных в раннем саду. Его мягкий шелест, когда он размахивал им туда-сюда, служил облигато к музыке золотистого голоса Янси Кравата. Прижавшись так на высоте, чернокожий мальчик выглядел как обезьянья версия одного из ангелов Рафаэля на потолке. Его круглая голова, покрытая мелкими плотными пучками волос, словно из шерсти астрахана, сквозь которую ярко сияла чернота его затылка, была наклонена под озорным углом, чтобы лучше улавливать слова, льющиеся с губ оратора. Его глаза, выпученные от волнения, были прикованы в восторге к величественной, неторопливой фигуре Янси Кравата. Мальчик был настолько очарован, что его рука часто опускалась без сил, и он совсем забывал о своей задаче — разгонять своим зелёным веером жаркий влажный воздух над столом, уставленным едой. Нетерпеливый взгляд вверх из пронзительных

чёрных глаз Фелис Венабл, сопровождаемый резким предупреждающим «А-сайя!», заставлял его энергично размахивать веером, пока очарование вновь не останавливала его руку.

Венаблы не видели ничего предосудительного в этом пережитке миссисипского феодализма. Десятки предков Исая сидели так же, размахивая веером, чтобы поколения миссисипских Венаблов могли с большим удовольствием ужинать, есть и беседовать. Вичита сначала с изумлением наблюдала за этим явлением; и даже сейчас, спустя двадцать лет, оно оставалось предметом местных сплетен.

Говорил Янси Крават. Он говорил уже почти час. Сегодня утром он вернулся из Оклахомы — недавно открытой Индейской территории, где он совершил «Забег», ознаменовавший заселение этого обширного участка девственной земли, известного в народе как «Нация». Теперь, пока он говорил, на лицах остальных читалось восторженное выражение тех, кто слушает сагу. Именно таким выражением, наверное, были озарены лица слушателей Джейсона и Улисса, а также того нетерпеливого толпа, собравшаяся вокруг Франциско Васкеса де Коронадо, прежде чем они узнали, что его поиски Семи городов Сиболо оказались тщетными.

Сидящие за столом мужчины наклонились вперед, руки их довольно свободно сжимались между коленями или лежали на скатерти перед ними, тарелки были отодвинуты, стулья отодвинуты назад. Время от времени вдоль линии мужественной челюсти проступал внезапный белый гребень напряженной мышцы. Их глаза были глазами людей, следящих за игрой, в которой они с удовольствием приняли бы участие. Женщины слушали, слегка испуганные, с приоткрытыми губами. Они заставляли детей замолчать, когда те шевелились или хныкали, а если это не помогало, отправляли их, дав по попе полунежную, полуукорительную пощечину, играть на солнечном дворе. Иногда женская рука протягивалась властно, напоминая, и ложилась на руку или плечо сидящего рядом мужчины. «Я здесь», — говорило прикосновение руки. «Твое место рядом со мной. Не слушай его так. Не верь ему. Я — твоя жена. Я — безопасность. Я — надежность. Я — утешение. Я — привычка. Я — традиция. Не слушай так. Не смотри так».

Но мужчина отстранял эту руку — не грубо, а с рассеянным недовольством.

Среди всего этого круга лиц, связанных волшебством истории, разворачивающейся сейчас перед ними, ярко, как пламя, выделялось лицо Сабры Крават, сидящей за столом с ребенком Симом на коленях. Хотя она, как и ее мать Фелис Венабл, явно принадлежала к типу людей с оливковой кожей, ее лицо казалось сияюще белым, пока она слушала удивительную, невероятную и слегка нелепую историю, которую сейчас рассказывал ее муж. Было также очевидно, что в ней, как и в её матери, сильно прослеживалась линия французских пионеров Марси. Её густые волосы были такими же чёрными, как и глаза; а сильные брови изгибались стремительной дугой, словно две ятаганные сабли, висевшие над камином в гостиной. Сабра втайне стыдилась своих густых бровей и любила неодобрительно разглядывать их в зеркале, проводя указательным пальцем (слегка смоченным языком) по их черным изгибам. В остальном же в прямолинейности её взгляда, быстром повороте головы, энергичности речи и манеры было что-то скорее новоанглийское, чем южное. Ей было теперь двадцать один год, она вышла замуж в шестнадцать, была матерью четырехлетнего мальчика и по-прежнему влюблена в своего живописного, гигантского мужа; в Сабре Крават было какое-то сияние, блеск, который иногда можно увидеть в тот изысканный и мимолетный период в жизни женщины, когда её химическое, эмоциональное и физическое состояние достигает высшей точки и сливается воедино.

Было легко проследить сходство — как в чертах лица, так и в характере — между этой сияющей девушкой и бледной женщиной, сидящей в конце стола. Но если отвести взгляд от неё и посмотреть на старого Льюиса Венабла, то можно было озадачиться тайнами отцовства. Старый Льюис Венабл был не просто старым, а измождённым; это был беспомощный, неуклюжий, кроткий человек, несколько измученный и еще более лишенный жизненных сил из-за малярии. Лицо и руки имели желтовато-слоновью кость, присущую поколениям, подвер-

гавшимся воздействию горячего хлеба, низменностей, плохой печени и портвейна. Не говоря уже о застрявшей где-то между третьим и пятым ребрами неизученной пуле, полученной в Мурфрисборо в составе батареи Стэнфорда, тяжелой артиллерии, задолго до того, как Рентген задумал создать глаз, подобный Божьему.

Льюис Венабл, сидя в кресле во главе стола, был так же заморожен, как черный Исайя на своём высоком сиденье над столом. Как ни странно, даже мальчик Сим слушал — или, по крайней мере, казалось, что слушал, — сидя на коленях у матери. Сабра рассеянно уплетала ужин над головой ребёнка, не отрывая глаз от лица мужа. Ей редко приходилось говорить: «Тише, Сим, тише!» или вырывать нож, вилку или запрещенный кусочек из его сжимающих пальцев. Возможно, его убаюкивал необыкновенно мелодичный голос рассказчика убаюкивал его. Недовольные поклонники Сабры Венабл говорили, когда она вышла замуж за Янси Кравата — незнакомца, загадочного человека из Техаса и Симаррона, — что именно его голос околдовал её. В какой-то мере они были правы, ибо хотя Янси Крават был многословен, зачастую даже пустословен, и хотя многое из того, что он говорил, было довольно скучным по сути, он обладал теми бесценными дарами прирожденного оратора: вибрирующим и гибким голосом, необыкновенной мягкостью и очарованием манер, гипнотическим взглядом и способностью заставить каждого слушателя почувствовать, что сказанное предназначено исключительно для его ушей. В нем было что-то от шарлатана, многое от актера и шепотка фанатика.

Любая история, рассказанная Янси Краватом, скорее всего, содержала в себе очарование, невероятность (хотя последней не было, пока он её рассказывал) и оттенок абсурда. Сам Янси, даже в те ранние времена, был причудливой, ослепительной и слегка мифической фигурой. Казалось, ни одна комната не была достаточно просторной для его гигантской фигуры; ни одно кресло не выдерживало под тяжестью его широких плеч. Он действительно казался выше своих шести футов двух дюймов. Он носил свои чёрные локоны очень длинными, так что они слегка завивались у шеи, как у Бута. На его щеках и лбу местами были глубокие ямки, словно от оспы. Женщины, как ни странно, находили это привлекательным.

Но в первую очередь в глаза бросалась его голова, огромная голова, словно у буйвола, настолько тяжелая, что казалось, будто она склоняется под собственным весом. С удивлением ты замечал в нём некоторые черты, совершенно несоответствующие его габаритам, мужественности и внешнему виду, излучающему огромную силу. Его губы, полные и чувственные, всё же выражали великую нежность. Его ресницы были длинными и закрученными, как у красивой девушки, и когда он поднял свою тяжелую голову, чтобы посмотреть на тебя, под длинными черными прядями и темными ресницами ты с некоторым недоумением заметил, что его глаза были глубокого и непостижимого океанического серого цвета.

Теперь, в ходе своего рассказа и под влиянием возбуждения, он встал из-за стола и вскочил на ноги, шагая туда-сюда и говоря на ходу. Его походка была удивительно лёгкой и изящной для человека его мощного телосложения. Очарованный, ты заметил, что его ступни были маленькими и сводистыми, как у женщины, и он носил, даже в этом 1889 году, сапоги «Техасская звезда» из тонкой мягкой гибкой телячьей кожи, на очень высоком каблуке, с тонкой подошвой и украшенные искусно выкованными золотыми звёздами вокруг голенищ. Его руки тоже были непропорциональны для человека его роста: тонкие, гибкие, белые. Он жестикулировал ими, когда говорил, и взгляд замороженно следил за их движениями. В остальном его наряд состоял из фрака «Принц Альберт» из тонкой чёрной сукны, полы которого взмывали и расправлялись в такт его энергичным движениям; белой рубашки в складку из мягкой и изысканной ткани; черный галстук-шнурок; брюки, заправленные в яркие голенища сапог; и, всегда, белая фетровая шляпа с широкими и загнутыми полями. Иногда он просто цитировал Шекспира, Ветхий Завет, «Одиссею» и «Илиаду». Его речь была пересыпана фрагментами латыни и редкими испанскими выражениями — пережитком его техасских дней. Он льстил вам своими прекрасными глазами; очаровывал вас своим голосом; гипнотизировал вас сво-

ими руками. Он выпивал кварту виски в день; почти никогда не бывал пьян, но в тех редких случаях, когда испарения спиртного брали над ним верх, он неизменно выбирал несчастную жертву и, выхватив пару шестизарядных револьверов с рукоятками из перламутра рукоятками из перламутра, которые он всегда носил на поясе, заставлял его танцевать, стреляя ему под ноги — забавная причуда, привезенная им из Техаса и с «Симаррона». Позже, отрезвев, он всегда испытывал чувство стыда. «Вино, — с грустью цитировал он, — — насмешник, крепкий напиток — буйный». Янси Крават мог бы стать (и на самом деле был, хотя большая часть Америки об этом и не подозревала) величайшим адвокатом по уголовным делам своего времени. Говорили, что он гипнотизировал присяжных своим взглядом, жестами и голосом. Его адвокатская практика не приносила ему ничего или даже меньше того, ибо, будучи сентиментальным и мелодраматичным, он обычно оставался в убытке после своей блестящей и успешной защиты какой-нибудь девушки из танцевального зала Додж-Сити или разгульного ковбоя, чей шестизарядник был направлен не в ту сторону.

Его прошлое, до приезда в Уичито, было окутано мифами и домыслами. Сплетники говорили одно, клеветники шептали другое. Слухи — романтические, непристойные, фантастические, меняющиеся и переменчивые, как облака над горной вершиной, — витали вокруг головы Янси Кравата. Говорят, в его жилах течет индейская кровь. Говорят, у него где-то есть индейская жена и куча малышей. Чероки. Говорят, раньше его звали «Симаррон» Крават, отсюда и имя его сына, искажённое до «Сим». Говорят, его настоящее имя — Симаррон Севен из индейского рода Севенов из племени чокто; он вырос в вигваме; его спальней был викиап, а одеяло — его одеждой. Было известно, что он был одним из первых «бумеров», последовавших за знаменем живописного и великолепно безумного Дэвида Пейна в первом диком рывке этого авантюриста на территорию индейцев. По слухам, он жил в той зловещей полосе земли шириной в тридцать четыре мили и длиной почти двести миль, называвшейся «Ничьей землей» ещё в 1854 году, а позже известной как «Симаррон» — испанское слово, означающее «дикий» или «непокорный». Здесь, в этой странной никому не принадлежащей империи без законов и без правительства, рае для конокрадов, убийц и отчаянных преступников, по слухам, он провёл не менее года (и на то были веские причины). Говорили, что признаки его индейской крови были очевидны: достаточно было посмотреть на его кожу, волосы, манеру ходить. И зачем же он протестовал в своей газете против того, как правительство обращалось с этими грязными, вороватыми, ленивыми и никчёмными подопечными благодетельной страны! Что касается его газеты — само её название было скандалом: «Вичита Вигвам» (Wichita Wigwam). А чуть ниже: «Все новости. Любой скандал, не являющийся клеветой. Выходит раз в неделю, если удобно». Кстати, кто вообще слышал о практикующем адвокате, который одновременно издавал газету? Её колонки были отголосками его собственной громогласной ораторской речи в зале суда или с трибуны. Он основал свою газету в противовес старой устоявшейся «Вичита Игл» (Wichita Eagle). Вичита, громко возмущаясь, говорила, что ему следовало назвать свою газету «Петух». Само сочетание адвокатского и газетного офиса представляло собой беспорядочную кучу разноцветных шрифтов, нераскрытых посылок, типовых текстов, юридических томов, банок с клеем, рассыпного табака, старых пальто и афиш скачек. Вичита, заявляя о своём презрении к «Вигваму», читала его. Вичита внимательно изучила его первую редакционную статью под названием «Должна ли голубая кровь увядающего Юга отравлять красную кровь Великого Среднего Запада?» и увидела, как два месяца спустя он торжественно увез в качестве своей невесты Сабру Венабл, дочь того самого увядающего Юга; Сабра Венабл, чья лазурная струя могла бы смешаться с более прозаичной, кроваво-красной жизненной жидкостью любого юноши в Уичите. Несмотря на садовую изгородь, родительскую гордость, сводистые ступни, цветных слуг и общую атмосферу «что тебе угодно, негодяй», которая царила в доме Венаблов при появлении местного юноши, Сабра Венабл в шестнадцать лет могла бы выбирать любого из полнокровных парней Канзаса — от Салины до Уинфилда. Не говоря уже

о более легитимных женихах из аристократических родов с Юга, таких как сам Дабни Венабл, двоюродный брат Сабры, который одновременно напоминал Лафайета и старого Льюиса — вплоть до преждевременной седины в волосах, длины изящной, длинноголовой, слегка декадентской головы и черного галстука, при виде которого Уичито затаивало дыхание. Когда из всех этих достойных кандидатов Сабра выбрала романтического, но загадочного Кравата, матери из Уичито, имевшие дочерей на выданье, почувствовали, что отомстили за высокомерность Венаблей. Как ни странно, сами дочери на выданье казались более обиженными, чем когда-либо, и заметно сократилось число молодых дам, которые раньше привыкли заглядывать в офис «Вигвам» с объявлениями о тех или иных встречах или светских мероприятиях для размещения в колонках газеты.

Во время обильного обеда, которым был накрыт стол у Венаблов, Янси Крават почти ничего не съел. Здесь была аудитория по его душе. Здесь была история по его вкусу. Его рассказ — дикий, невероятный, но правдивый — был об освоении Оклахомы; о дикой местности, за час ставшей густонаселённой; о городах с многотысячным населением, буквально выросших за одну ночь, где еще накануне были только прерии, койоты, гремучие змеи, красная глина, кустарниковый дуб и редкие поселенцы, укрывавшиеся в безопасности заросшего сорняками оврага.

Он отсутствовал целый месяц. Как и тысячи других, он отправился на поиски бесплатной земли и состояния. Перед ним лежала целая империя, которую можно было забрать просто так. Он говорил, как всегда, высокопарными словами оратора, постоянно сознающего свою аудиторию. И все же, каким бы фантастическим это ни казалось, всё, что он говорил, было соткано из нитей правды. Пока он говорил, целые сцены, казалось, разворачивались на глазах у слушателей.

II

Шлейфы фрака развевались, глаза сверкали, руки размахивали, голос взмывал ввысь.

«Люди, с момента Сотворения мира ничего подобного еще не было. Сотворение! Черт возьми! На это ушло шесть дней. А это было сделано за один. Это была История, сотворенная за час—и я помог её сотворить. Тысячи и тысячи людей со всех концов нашего обширного содружества» (он говорил именно так) «проехали сотни миль, чтобы получить задарка кусок пустой земли. Но какая земля! Девственная, за исключением тех мест, где когда-то бродили индейцы. «Земли затерянных богов и богоподобных людей!» Они шли, как процессия — сумасшедшая процессия — вплоть до границы, преодолевая расстояние так быстро, как только могли, любыми доступными средствами — ползали по земле, толкали и пихали друг друга в канавы, чтобы добраться туда первыми. Бог знает, зачем — ведь все они знали, что, добравшись туда, им придется ждать, как скоту в загоне, пока не прозвучит сигнальный выстрел, открывающий вход в землю обетованную. Чем ближе я подходил к границе, тем больше это напоминало рой муравьёв, устремившихся к сахару. Они прибывали через небольшие холмы, из зарослей дубового кустарника и через прерии. Они приезжали из Техаса, Арканзаса, Колорадо и Миссури. Боже мой, они шли пешком аж из Айовы и Небраски! Они приезжали на повозках, в фургонах, верхом на лошадях и на мулах. В прерийных фургонах, на воловьих повозках и в каретах. Я видел суррей медового цвета с бахромой по краю верха, запряжённый двумя элегантными гнедыми лошадьми, которые по-прежнему высоко поднимали ноги на тех ухабистых глинистых дорогах, словно выехали на прогулку в Пресидио. Его вел чернокожий мальчик, весь в латунных пуговицах, а на заднем сиденье сидел шикарный господин в светло-бежевом пальто, с сигарой во рту и бриллиантом на нагрудной части рубашки; а рядом с ним — женщина в большой шляпе и розовом платье, смеющаяся и подгоняющая лошадей по красной пыли, которая доходила до середины спиц колес и была такой густой, что душила. Они ехали так из Денвера, черт возьми, так и было. Я встретил у дороги одного старого поселенца — с лицом, высохшим и морщинистым, как мускатный орех, — который рассказал мне, что выехал много недель назад и преодолел этот долгий путь, как мог, пешком, на поезде, на корабле и на повозке, по мере того как добросердечные люди по пути подбирали его. Интересно, получил ли он когда-нибудь свой участок земли в той дикой суматохе — бедный старый черт».

Он на мгновение замолчал, может быть, погрузившись в воспоминания, а может, хитро, чтобы подогреть интерес слушателей. Он вызвал у Сабры задыхающееся: «О, Янси, продолжай! Продолжай!»

«Ну, наконец-то граница, и это было похоже на празднование Четвертого июля в Судный день. На границе выстроилась милиция. Никому не разрешалось ступить на новую землю до полудня следующего дня, пока не прозвучат выстрелы. Два миллиона акров земли должны были быть разданы тому, кто первым их захватит. Полдень — вот когда. Все знали это наизусть. Двадцать второе апреля, в полдень. Поколениям людей требуются сотни лет, чтобы освоить новую землю. А эту территорию собирались сделать пригодной для жизни за одну ночь — и сделали — словно чудо из Ветхого Завета. По сравнению с этим чуде с хлебами и рыбами и расступлением Красного моря — ничто, — простые фокусы».

«Не богохульствуй, Янси!» — вступила в разговор тётя Кассандра Венабл.

Кузен Дабни Венабл хихикнул, прикрывая рот рубашкой.

«Сегодня — пустыня... за исключением редких бродячих отрядов индейцев... а завтра — империя. Если это не современное чудо...»

«Индейцы, хм?» — презрительно усмехнулся кузен Дабни, многозначительно.

«О, Дабни!» — резко воскликнула Сабра. «Почему ты перебиваешь? Почему бы тебе просто не послушать!»

Янси Крават поднял умиротворяющую руку, но огромная голова бизона наклонилась в сторону кузена Дабни, словно готовясь к атаке. Самая милая улыбка озарила его губы. «Все в порядке, Сабра. Пусть кузен Дабни говорит. А почему бы и нет? *Un cabello hace sombra*».

Лицо кузена Дабни, белое как слоновая кость, покрылось нежным румянцем. «Что это, Крават? Чероки?»

«Испанский, мой мальчик. Испанский».

Наступила короткая пауза молчаливого ожидания. Янси не стал объяснять. Вопрос задала пухленькая и милая невестка (не из рода Венаблов).

— Испанский, кузен Янси! Да вы только посмотрите! Что же это, черт возьми, значит? Надеюсь, что-то романтическое.

— Не совсем. Испанская пословица. Буквально это означает: «Даже волосок отбрасывает тень».

Еще секунда молчания. Лицо милой невестки стало совершенно озадаченным. «О. Волосок... но я не понимаю, какое это имеет отношение к...»

Настало время Фелис Венабл взять дело в свои руки. Ее протяжный, ворчливый голос капал своей медленной сладостью на горькую вражду, которая лежала, словно ядовитая лужа, между двумя мужчинами.

«Что ж, должна сказать, я считаю это откровенной невежливостью, действительно считаю. Вот мы все здесь, прислушиваясь, чтобы услышать первый выстрел ополченцев в полдень на Границе, а здесь кузен Джоуэтт Гофорт, приехавший из Луизианы впервые за пятнадцать лет и просто дрожащий от любопытства, а что мы слышим? Только болтовню об испанских пословицах и тенях». Она резко оборвалась, бросила молниеносный взгляд вверх и тоном, который назвали бы криком, если бы он раздался из горла кого-либо, кроме Венабла, сказала: «А-сая!»

Мухобойка чернокожего мальчика, безжизненно свисавшая с его безвольной руки, снова зашелестела в исступлении. Воздух очистился. Сидящие за столом расслабились. Их лица вновь повернулись к Янси Кравату. Янси взглянул на Сабру. Губы Сабры сжались в призрачный поцелуй. Они сложили два слова, невидимые и неслышимые для остальных присутствующих. «Пожалуйста, дорогая».

«*Cede Deo*», — сказал Янси, слегка поклонившись ей. Затем, ещё более едва заметно поклонившись, он обратился к кузену Дабни. «„Да не будет раздора, молю тебя, между тобой и мной“. Возможно, ты это тоже не узнаешь, Дабни. Это из Ветхого Завета».

Кузен Дабни Венабл провел пальцем по верху своего черного шелкового воротника, словно пытаясь облегчить давление в горле.

С легким взмахом полы своего фрака Янси снова устремился вперед, остановившись лишь на мгновение у серванта, чтобы залпом выпить три пальца испанского бренди, похожего на горячий жидкий янтарь. Он прижал к губам свой тонкий льняной платок. «Могу тебе сказать, я уже месяц ничего подобного не пробовал. Сырой кукурузный виски, от которого горло просто разрывается. А что уж говорить о воде! Красная грязь. После первых суток в городе не осталось ни глотка воды. Вот так мы и оказались — тысячи и тысячи людей, толпясь у границы, как скот, под палящим солнцем, которое обжигало нас весь день, без возможности укрыться в тени, а густая красная пыль забивала глаза, нос и рот. Не было ни места, где помыться, ни места, где переночевать, ни чего поесть. Как ни странно, они, казалось, не обращали на это внимания. Казалось, даже не замечали. Их питало какое-то безумное возбуждение, и в их глазах горел дикий огонь. Они смеялись, шутили и просто толпились, целый день и всю ночь, вплоть до полудня следующего дня. Если у тебя было хоть немного еды, ты делился ею с кем-нибудь. Я наконец достала чашку воды за доллар, простояв в очереди три часа, а потом женщина, стоящая прямо за мной—»

«Женщина!» — воскликнула кузина Арминта Гринвуд (из семьи Гринвудов из Джорджии). И Сабра Крават повторила эти слова потрясённым шепотом.

«Ты бы не поверила, правда, что женщины отправляются в такую авантюру в одиночку. Но они это сделали. Некоторые из них были там со своими мужьями, но были и женщины, которые совершили «Бег» в одиночку».

«Какие женщины?» — тон Фелис Венабл был не вопросительным, а осуждающим.

«Женщины с железным характером. Женщины, которые хотели земли и дома. Женщины-первопроходцы».

Со стороны тети Кассандры Венабл, сидевшей на другом конце стола, раздалось слово, прозвучавшее как: «Развратницы!»

Янси Крават зажал это слово зубами и выплюнул его обратно. «Шлюхи, хе! Та, что шла за мной в очереди, была женщиной лет сорока — или так выглядела — в ситцевом платье и солнечной шапочке. Она проехала через прерии весь путь с севера Арканзаса в повозке без рессор. Она была похожа на тех женщин, которые в 49-м пересекли континент, направляясь в Калифорнию. Худая женщина с измученным непогодой лицом; ужасно запущенная кожа» — он бросил взгляд на Сабру с её кремовым оттенком кожи — «что означает щелочную воду, солнце, пыль и ветер. Грубые волосы, некрасивые руки и сапоги, облепшие грязью. Именно такие женщины, как она, сделали эту страну такой, какая она есть. Невозможно читать историю Соединённых Штатов, друзья мои» (всё это он позже использовал в речи в Оклахоме 4 июля, когда его пытались избрать губернатором), «не узнав великую историю тех тысяч безымянных женщин — таких, как та, которую я описал — женщин в сапогах, облепленных грязью, в ситцевых платьях и солнечных чепчиках, пересекающих прерии, пустыни и горы, терпящих лишения и тяготы. Добрых женщин, обладающих той ужасной и непреклонной добротой, которая рождается из труда и самоотречения. В них, полагаю, нет ничего живописного или романтического — хотя иногда одна из них вспыхивает — Белл Старр, преступница — Роза из Симаррона — Джеаннет Дейзи, которая выпрыгнула из мчащегося поезда «Санта- Фе», чтобы обозначить свою долю земли — но остальные — нет, их история так и не была по-настоящему рассказана. Но она всё равно существует. И если её когда-нибудь расскажут правдиво, вы поймёте, что именно солнечный чепец, а не сомбреро, заселил эту страну».

«Вы несете чушь», — протянула Фелис Венабл.

Янси резко развернулся на каблуках, чтобы посмотреть на неё, и его красивые глаза запылали. «Вы одна из них. Вы приехали с Юга вместе с мужем, чтобы обзавестись новым домом в этом Канзасе —»

«Я не такая!» — отрезала Фелис Венабл с огромным достоинством. «И я буду благодарна, если вы не будете говорить ничего подобного. «Солнечный чепец, да еще какой! Я ни разу в жизни не носила солнечного чепца. А что касается моей кожи, волос и рук, то они были предметом восхищения на всем Юге, и я могу подтвердить это у любого здесь, от Луизианы до Теннесси. А ноги у меня такие маленькие, что тапочки приходилось заказывать на заказ. Ситцевые платья и грязные сапоги, да еще какие!»

«О, мама, Янси не это имел в виду... — он имел в виду мужество покинуть твой дом на Юге и приехать сюда... — он не думал о... — Янси, давай же продолжай свой рассказ о Бегстве. Ты купил плоток воды за доллар... — боже мой! — и поделился ею с той женщиной в ситцевой юбке и солнечной шапочке...»

Он выглядел немного смущённым. «Ну, на самом деле, оказалось, что у неё не было лишнего доллара, да и близко к этому не было, но даже если бы у неё он был, это ей ничем бы не помогло. Парень, продававший воду, был человеком с лицом крысы, с одним глазом и в мексиканских штанах. Указательный палец его правой руки был отстрелен в какой-то драке, так что он наливал воду этой рукой, а ружьё держал в левой. Он был изрядно измучен. На его носу был заживший шрам, но на нем отчетливо виднелись следы от человеческих зубов,

оставленные во время драки, — аккуратные и четкие, как вывеска стоматолога. К тому времени, как я подошел к нему, в ведре осталась всего одна чашка воды. Он наклонил ведро, а я держал черпак, и она стекла, ровно на одну черпачку. Последняя чашка воды на Границе. Толпа, стоящая в очереди за мной, издала звук, напоминавший что-то среднее между стоном и вздохом. Такой звук, какой издает стадо коров на прерии, когда они высунут языки в поисках воды во время засухи. Я наклонил черпак и сделал большой глоток — на вкус это была грязная вода. Вода из гипса. На языке чувствовался осадок щелочи. Ну, когда я пил, я запрокинул голову и мельком взглянул на лицо той женщины. Её глаза были прикованы ко мне — к моей горловине, где кадык только что поднялся, когда я сделал тот один большой глоток после первого. Белки её глаз были полностью покрасневшими, а взгляд в них напоминал взгляд умирающего человека, устремлённый на свет. Её рот был приоткрыт, а губы — все потрескавшиеся от жары, пыли и солнца, сухие и шелушащиеся, как пепел. А потом она слегка сомкнула губы и попыталась проглотить что-то, но не смогла. Во рту у неё не было слюны. Я сам не мог проглотить ни глотка больше, так как у меня пересохло в горле. Я бы запомнил её ужасное лицо до последнего дня своей жизни. Поэтому я выпрямил стакан, протянул его ей и сказал: «Вот, сестра, допей остатки. Я уже наелся». »

Кузен Джоуэтт Гофорт попытался отшутиться. «Ты точно уверен, что ей было сорок, Янси, и что она была измучена непогодой? А что насчёт её волос, сапог и рук?»

Крэват, стоя за стулом своей жены, смотрел на неё сверху вниз; на тонкую белую линию, которая обозначала пробор в её густых чёрных волосах. Указательным пальцем он нежно коснулся её щеки. Он позволил пальцу скользнуть по кремовой поверхности её кожи, от скулы к подбородку. «Абсолютно уверен, Джоуэтт. Хотя одну вещь я упустил». Кузен Джоуэтт издал звук, означавший: «А, я так и думал». «Её зубы», — задумчиво продолжил Янси Крэват. «Сломанные и потемневшие, как у семидесятилетней женщины. А сбоку их почти нет».

Здесь Янси не удержался от того, чтобы начать ходить взад-вперед, размахивая лапами фрака и в целом портя изысканный привкус своей победы над умом Венаблов. Ум Венаблов (или перспектива избавиться от него) и был одной из причин, по которой он с самого начала бросился в дикую схватку на «Ран». Теперь он стоял, оглядывая эти красивые, бесполезные лица, и его сотрясало сильное нетерпение, пламя ярости пронзило его, а язычок злобы щелкнул по нему. Подстегнутый всем этим и осознанием своего провала, он снова погрузился в свой рассказ до самого конца.

«Я планировал попытаться занять место в поезде «Санта-Фе», который стоял с поднятым паром, готовый мчаться в Нацию. Но в него было невозможно попасть. Там не было места даже для блохи. Люди висели на коровнике, роились по всему локомотиву и сидели на крышах вагонов. Скорость была ограничена так, чтобы не превышать скорость лошади. Оказалось, что даже этого они не делали. За девяносто минут они проехали двадцать миль. Я решил воспользоваться своей индейской лошадкой. Я знал, что в любом случае получу выносливость, если не скорость. И в конце концов именно это и имело значение.

«Мы стояли там, тысячами, всю ночь. Наступило утро, и мы начали выстраиваться у границы, настолько близко, насколько нам позволили подойти. По всей длине стояли ополченцы, сдерживающие нас. Они выжгли прерию впереди на многие мили вглубь территории племени, чтобы трава не росла и путь был чище. А ещё — чтобы выкурить «суннеров», которые пробрались сюда и прятались в кустарниковых дубах, в лощинах, где только могли. Большинство смертей произошло именно из-за них. Они пробрались сюда, разметили участки и стояли наготове, чтобы застрелить тех из нас, кто приезжал сюда честно и по правилам в рамках «Ран». Я знал, какой участок мне нужен. Старая, заброшенная тропа грузоперевозчиков, но все еще отмеченная глубокими колеями, вела к ней почти прямо — стоило только найти эту тропу, пусть и заросшую. По этой земле протекал небольшой ручей, и прерия там тоже слегка изгибалась. На многие мили вокруг росли одни только черные ясени, но на этом участке, наверное,

из-за воды, росли вязы, хурмы, тополя и даже роща пекановых деревьев. Я замечал это много раз, объезжая пастбища».

(Хм! Вскикая по прериям! Все Венаблы быстро запомнили это про себя. Именно так, по отдельным обрывкам и фрагментам, им удалось сложить воедино нечто о прошлом Янси Кравата.)

«Было десять часов, и толпа нервничала и не могла успокоиться. Сотни из нас были последователями Пейна, уходили в качестве «бумеров» в старые колонии Пейна, были изгнаны, а потом вернулись. Тысячи людей со всех концов страны ждали десять лет этого дня, когда жаждущие земли наконец насытятся. Они были похожи на голодающих. Я видел точно такой же взгляд на лицах людей, жаждущих еды.

«Ну, наступило одиннадцать часов, и они толкались, ругались и дрались за места рядом с Линией. Они кричали, пели, вопили и спорили, и издаваемый ими звук вовсе не был человеческим, а напоминал тысячи запертых в загоне диких животных. Солнце палило немилосердно. Это было жестоко. Пыль висела над всем густым облаком, ослепляя и душа. Черная пыль сожженной прерии покрывала все вокруг. Мы были похожи на орду демонов с нашими красными глазами, потрескавшимися губами и почерневшими лицами. Половина двенадцатого. Это была картина, словно вырванная из ада. Рев становился все громче. Люди сражались за каждый дюйм на границе. Прямо рядом со мной ехала девушка, которой, судя по всему, было около восемнадцати—оказалось, что ей двадцать пять—и она была настоящей красавицей—на угольно-чёрной чистокровной лошади».

«Ага!» — сказал кузен Джуэтт Гофорт. Он был из тех людей, которые говорят: «Ага».

«С другой стороны стоял старик с длинной седой бородой — он был жителем равнин — с шестизарядным револьвером за поясом, одной деревянной ногой и фляжкой виски. Каждую минуту-другую он делал глоток из нее. Он сидел на индейском пони, похожем на моего. Время от времени он запрокидывал голову и издавал крик, от которого кровь стыла в жилах, даже среди этого хора демонов. Пока мы ждали, мы втроем заговорили, хотя в том шуме почти ничего не было слышно. Девушка сказала, что подготовила своего чистокровного жеребца к скачке. Он был из Кентукки, как и она сама. Она была полна решимости заполучить мужа и шестьдесят акров, сказала она. Ей это было просто необходимо. Она не объяснила, почему, а я не стал спрашивать. В любом случае, мы все были слишком взбудоражены, чтобы говорить что-то внятное. О, я забыл. На ней был наряд, привлекавший внимание любого, кто её видел, даже в этой сумасшедшей толпе. Чтобы лучше резать ветер, она «укоротила паруса» и надела короткую юбку, чёрные колготки и тубетейку».

Здесь раздался настоящий шквал звуков, когда серебряные ложки, ножи и вилки выпали из потрясённых и обессиленных женских пальцев Венаблов.

«Оказалось, что мы трое, стоявшие в первом ряду, направлялись по старой тропе грузовиков к берегам ручья. Я сказал: „Я буду первым в «Ран», кто доберется до Литтл-Беар“. Так назывался ручей на этом участке. Девушка плотно натянула кепку на уши. „Идите за мной“, — засмеялась она. „Я покажу вам дорогу“. Тогда старик с деревянной ногой и бакенбардами воскликнул: «Ура! Я скажу тем, кто у Литтл-Беар, что вы оба идете».

«Вот мы и шли: девушка слева от меня, старый житель равнин — справа. 11:45. Вдоль границы стояли солдаты, в одной руке у них были ружья, в другой — часы. Эти последние пять минут казались вечностью; и, что забавно, они затихли так, что не было слышно ни звука. Прислушивались. Последнюю минуту я пережил как вечность. Двенадцать часов. Раздался рев, заглушивший треск выстрелов солдат, стрелявших в воздух в знак полудня и начала «Бега». Были видны клубы дыма от их ружей, но звука не слышно было. Тысячи людей хлынули через границу. Это было похоже на воду, хлынувшую через прорванную плотину. Начался рывок, и кто не успел — тому конец. Мы пронеслись по прерии в облаке чёрной и красной пыли, которая за минуту покрыла наши лица и руки, так что мы выглядели как чёрные демоны из ада.

Мы помчались вниз по старой грузовой тропе, представлявшей собой две колеи шириной по футу каждая, вытопанные в прерийной почве. Старик на своём пони держался в одной колее, девушка на своём чистокровном — в другой, а я на своём «Белой Лапе» — на приподнятой полосе посередине. Первая половина мили прошла почти как гонка «шея в шею». Старик кричал, махал одной рукой и как-то удерживался. Он хлестал пони фляжкой по бокам. Затем он начал отставать. В следующий момент я услышал ужасный крик и громкие возгласы позади себя. Я бросил быстрый взгляд через плечо. Пони старого жителя равнин споткнулся и упал. Его фляга разлетелась на куски, шестизарядный револьвер улетел в другую сторону, а он сам растянулся во весь рост в колеи тропы. В следующее мгновение его скрыла буря топающих копыт, летящей грязи, пепла и колес повозок».

Драматическая пауза. Блэк Исая висел на своем сиденье, как обезьяна на ветке. Его «аспарагусовый шуфлай» безжизненно свисал. Лица вокруг стола напоминали воздушные шары, привязанные к одной нити. Они качались то в одну, то в другую сторону в такт шагам Янси Кравата, когда тот шагал по комнате, развеивая полы своего пальто «Принц Альберт». В эту сторону — лица повернулись к серванту. В ту сторону — они повернулись к окнам. Янси удерживал этот короткий момент тишины, словно драгоценный камень в оправе из лиц. Голос Сабры Крават, высокий и резкий от напряжения, разорвал тишину.

«Что случилось? Что случилось со стариком?»

Гибкие руки Янси взметнулись в жесте неизбежности. «О, его затоптали до смерти в безумной толпе, которая набросилась на него. Сумасшествие. Они не смогли остановиться из-за одноногого старого бородача с квартовой фляжкой».

Из благовоспитанного шепота ужаса, поднявшегося теперь вокруг стола Венаблов, выделился голос Фелис Венабл, резкий и полный неодобрения. «А девушка. Девушка с черными...» Не смогла договорить. Южанка.

«Девушка и я... забавно, я так и не узнал её имени... — шли впереди, потому что держались старой тропы, пусть и изрытой колеями, вместо того чтобы прокладывать путь через прерию, которая к этому моменту уже выходила за пределы выжженной зоны и была покрыта густым покровом синестебельной травы, местами достигавшей почти шести футов в высоту. Лошадь могла пробираться через неё только медленным шагом. Эта травяная джунгли в тот день помешала многим гонщикам выиграть свой участок.

«Девушка ехала прямо за мной. Тот чистокровный жеребец, на котором она скакала, был создан для скорости, а не для дистанции. Скаковая лошадь, чистокровная. Я слышал, как он тяжело дышал. Его тренировали на короткие рывки. Мой индейский пони как раз набирал второе дыхание, когда её лошадь перешла на рысь. Мы прошли уже почти шестнадцать миль. К тому моменту я уверенно лидировал, а девушка ехала следом. Она низко прижалась к его шее, как жокей, и я слышал, как она разговаривала с ним — тихо, ласково и воодушевленно, словно он был человеком. Теперь мы значительно опережали всех. Мы оставили остальных позади: сотни людей шли в ту сторону, сотни — в эту, разбегаясь на многие мили по прерии. И тут я увидел, что впереди прерия горит. Высокая трава пылала. Свободной оставалась лишь узкая тропа, по которой мы мчались галопом. По обе стороны от нее возвышалась стена пламени. Какой-то подлый «Сонер», пробравшийся впереди «Ран», устроил пожар, чтобы отпугнуть «Бумеров» и оставить землю себе. Сухая трава горела, как пропитанная маслом бумага. Я обернулся. Девушка была там, её скакун спотыкался, то останавливался, то снова мчался, а голова его теперь безвольно свисала. Я увидел, как она помахала рукой. Она приближалась. Я сдернул шляпу и накинул её на глаза Уайтфуту, пришпорил его, прижался к седлу, закрыл глаза, и мы помчались по тропе в эту печь. Жарко! Это был ад! Треск и хруст по обоим сторонам напоминали залп. Я чувствовал запах подпалённых волос на боках мустанга. Мои собственные волосы тоже подпаливались. Я чувствовал, как пламя лижет мои ноги и спину. Ещё сто ярдов — и ни лошадь, ни я не выжили бы. Но мы вырвались на открытое место, задыхаясь,

ослепшие и полузадохнувшиеся. Я посмотрел вниз по полосе пламени. Девушка висела на шее своей лошади. Её тубетейка была надвинута на глаза. Она пробиралась сквозь заросли. Я знал, что моя земля — тот участок, ради которого я прошел через ад, — находилась не дальше чем в миле впереди. Я знал, что, задержавшись здесь, я, скорее всего, получу пулю в лоб, ведь тот «Сонер», который устроил этот пожар, наверняка притаился где-то в высокой траве, готовый убить любого, кто попытается заявить права на его землю. Я начал задаваться вопросом: не направляется ли эта девушка в тот же участок, куда направлялся я. Я решил, что, женщина она или нет, это гонка, и черт заберет того, кто отстанет. Моя бедная маленькая лошадка кашляла, чихала и дрожала. Её скакун, должно быть, был готов упасть. Я развернулся и поехал дальше. Я всё думал о том, как, когда доберусь до ручья Литтл-Беар, омою нос и морду моего маленького мустанга, а также его бедные, тяжело дышащие бока, и о том, что не должен позволить ему пить слишком много, как только он опустит морду в воду.

«Прямо перед тем, как я добрался до места, к которому направлялся, мне пришлось свернуть с тропы и ехать поперек прерии. Впереди я видел рощу вязов. Я знал, что ручей был неподалеку. Но прямо перед тем, как я до него добрался, я наткнулся на одну из тех глубоких балок, которые часто встречаются на равнинах. Это дело рук засухи — сначала трещина в сухой земле, которая с каждым дождем расширяется, пока не превращается в небольшой каньон. Ширина этого была почти десять футов, и он был глубоким. Насколько я мог видеть, обойти его было некуда, а времени на поиски обходного пути не было. Я приказал Уайтфуту прыгнуть, и, боже мой, он преодолел его, приземлившись на другой стороне с запасом едва ли в один дюйм. Я услышал дикий крик позади себя. Я обернулся. Девушка на своей измученной скаковой лошади пыталась перепрыгнуть через овраг. Он действительно перепрыгнул — чистокровный и благородный, этот конь, — но приземлился на колени прямо на дальнем краю, перевернулся и скатился по склону оврага в канаву. Девушка отбросила себя в сторону. Мой участок находился в пятидесяти ярдах отсюда. Так же как и девушка со своей умирающей лошастью. Она лежала там, на прерии. Когда я помчался к ней — мой собственный бедный маленький конь к этому моменту уже почти выдохся — она с трудом поднялась на колени. Я и сейчас вижу её лицо, чёрное от пепла, сажи и грязи, волосы, рассыпавшиеся по плечам, кровоточащую щеку, ударившуюся о камень при падении, разорванные чёрные колготки и сползшую короткую юбку. Она как бы приподнялась и огляделась по сторонам. Затем, ещё до того как я до неё добежал, она шатаясь поднялась на ноги и стояла, покачиваясь, откидывая волосы с глаз, как человек, только что проснувшийся. Она указала вниз по оврагу. По чёрному лицу у неё текли слёзы.

«“Застрели его!” — сказала она. “Я не могу. У него сломаны обе передние ноги. Я слышала, как они хрустнули. Застрели его! Ради Бога!”

«Я слез с лошади и спустился к краю оврага. Там лежало животное: глаза у него были совсем белые, бедные ноги поджаты под себя, бока черные и липкие от пота и грязи. Он был, конечно же, прикончен. Я достал свой шестизарядник и прицелился прямо между глаз. Он один раз лягнул ногой, как бы подпрыгнул — или попытался, — а потом замер. Я постоял там минуту, чтобы посмотреть, не нужно ли ему еще одного выстрела. Он был таким отважным, что, в каком-то смысле, я не хотел давать ему больше, чем было необходимо.

«Потом что-то заставило меня обернуться. Девушка села на моего мустанга. Она уезжала в сторону ручья. Не успел я сделать и десяти шагов, как она добралась до того самого участка, который я про себя отметил для себя. Она спрыгнула с лошади, сорвала с себя юбку, привязала её к хлысту, который всё ещё крепко сжимала в руке, вонзила рукоятку хлыста в прерийную землю — водрузила свой флаг — и эта земля стала её по праву первенства».

Янси Крават замолчал. Наступила минута ошеломлённой тишины. Сабра Крават смотрела, смотрела на своего мужа огромными круглыми глазами. Льюис Венабл — безжизненный, бледный, дрожащий. Фелис Венабл — выпрямившаяся и дрожащая. Первой заговорила

именно она. И когда она заговорила, в ней не было и следа южной красавицы — она во всех отношениях оставалась бережливой потомкой французских предков;

«Янси Крават, ты хочешь сказать, что отдал ей свою четверть секции у ручья, ради которой ты и отправился в Индейскую территорию! Ради которой ты отсутствовал целый месяц! Ради которой ты оставил свою жену и ребёнка! Ради этого—»

«Ну, мама!» Вы видели, что вся Венабл, живущая в Сабре, собралась во всю силу, чтобы сдержать слёзы, и что, будучи сдержаны, они прорвались в её дрожащем голосе. «Ну, мама!»

«Не говори мне „ну, мама“! А что же с землёй, которая должна была достаться тебе! Достаточно было одной мысли о том, что ты уезжаешь в ту дикую местность, но чтобы...» Она замолчала. В её голосе прозвучала новая, ещё более злоедающая нотка. «Я не верю ни единому твоему слову». Она резко обернулась к Янси, и её чёрные глаза запылали. «Почему ты позволил этой шлюхе в чёрных колготках завладеть той землёй?»

Янси отнёсся к этому вопросу с заметным судейским спокойствием, но Фелис, зная его, могла бы насторожиться, увидев, как его огромная голова опустилась, словно у атакующего буйвола.

«Если бы это был мужчина, я бы его застрелила. Многим пришлось это сделать, чтобы сохранить землю, за которую они честно боролись. Но женщину застрелить нельзя».

«Почему нет?» — резко спросила бывшая южная красавица.

Венаблы, как один человек, слегка вздрогнули. По столу Венаблов прокатился нервный звук, наполовину похожий на вздох, наполовину — на шокированный хихит. Из Льюиса Венабла вырвалось испуганное: «Фелис!» «Но, мама!» — воскликнула Сабра.

Янси Крават, полный жизненной энергии, почувствовал, как в нем поднимается волна раздражения, которую эта избалованная семья всегда вызывала в нем. Что-то в их потрясённых и уставившихся лицах, в их раскинутых и изящных фигурах пробудило в нём безрассудное восстание. Он внезапно возненавидел их. Он хотел избавиться от них. Он хотел избавиться от них — от Уичито — от условностей — от гладких традиций — от... нет, не от неё. Теперь он улыбнулся своей ослепительной, милой улыбкой, которая сама по себе должна была бы насторожить Фелис Венабл. Но эта бесстрашная матриарх не была из тех, кто оставляет рассказ без острой реплики.

«Я, например, очень рада, что всё сложилось именно так. Думаешь, я позволила бы своей дочери — Венабл — таскаться в дикую местность, чтобы жить среди пьяных одно ногих равнинных жителей, беззубых костлявок в ситце и шлюх в колготках! Ни за что! Теперь всё позади, и это очень кстати. Может быть, теперь, Янси, ты перестанешь так метаться туда-сюда и будешь довольствоваться тем, что руководишь своей газетой и ведёшь юридическую практику — какая она есть — и больше не будешь говорить об этой Индейской территории. Моя дочь в сапогах, ситцевой юбке и солнечной шапочке, если вам угодно, — первопроходцем среди дикарей. При том воспитании, которое она получила! Нет, конечно же».

Янси странно молчал. Он критически и с интересом осматривал свои изящные белые руки, словно впервые рассматривая их с восхищением — ещё один признак, который должен был насторожить дерзкую Фелис. Когда он заговорил, то сделал это с крайней мягкостью.

«Я не фермер. Я не скотовод. В любом случае, мне не нужен был участок сельскохозяйственной земли. Мое место — в городе, и мне следовало направиться к местам заселения. Во время «Бегства» за одну ночь возникали города с населением в десять тысяч и более человек. Вагаллала... Сперри... Вавушка... Осейдж. Эта новая страна — последняя граница Америки. В одном из этих городов нет ни одной газеты — или, по крайней мере, не было, когда я уезжал. Я хочу вернуться туда и помочь построить штат из прерий, индейцев, кустарниковых дубов и красной глины. Ведь однажды это станет штатом — запомните мои слова».

— Эта дикая местность — штат! — презрительно фыркнул кузен Дабни Венабл. — Наверное, с индейцем из племени Осейдж или вождем чероки в качестве губернатора.

— А почему бы и нет? Какая месть правительству, которое обманывало их, гоняло их, как скот, из места в место, нарушало заключенные с ними договоры и грабило их земли. Посмотри на Джорджию! Посмотри на Миссисипи! Вспомни «Тропу слёз»!

«Эх, ну и ну», — зевнул кузен Джоуэтт Гофорт и неуклюже поднялся. «Всё это было очень интересно... странно, но интересно. Но если вы меня теперь извините, я пойду устроить себе небольшую сиесту. Я привык после обеда...»

Льюис Венабл, так долго молчавший, теперь тоже потянулся за тростью и приготовился встать. Но он не успел. Рука Фелис Венабл — тонкая, лихорадочная — стремительно выстрелила вперёд и схватила его за рукав пиджака — прижала его к стулу, так что он сразу же оказался и пленником, и судьей в своем кресле во главе стола.

— Льюис Венабл, ты слышал его! Ты собираешься сидеть здесь? Он говорит, что собирается вернуться. А как же твоя дочь? — Она устремила на зятя пылающие черные глаза. — Ты хочешь сказать, что собираешься вернуться в ту индейскую страну? Правда?

«Я вернусь туда через две недели. И помни, теперь это земля белых людей».

Сабра встала, прижав мальчика Сима к груди так, что тот, болтаясь на руках, начал хныкать. Ее глаза были испуганными, огромными. «Янси! Янси, ты же не оставишь меня снова!»

«Оставлю тебя, моя красавица!» — Он широким шагом подошел к ней. «Даже и не думай. На этот раз ты поедешь со мной».

«А я говорю, что она не поедет!» — резко выпалила Фелис Венабл. «И ты тоже, мой милый. Тебя обманом лишила твоей земли шлюха в трико, и на этом все. Ты останешься здесь со своей женой и ребенком».

Он мягко покачал своей огромной головой. Его голос был мелодичным.

«Я возвращаюсь в Оклахому; а Сабра и Сим пойдут со мной».

Фелис резко обернулась к мужу. «Льюис! Ты можешь сидеть здесь и смотреть, как твою дочь утаскивают, чтобы с нее сняли скальп среди дикарей!»

Больной поднял свою красивую белую голову. Поблекшие голубые глаза устремились на девочку. Ребенок, почувствовав конфликт, уткнулся головой в её плечо. «Ты уехала со мной, Фелис, больше двадцати лет назад, и твоя мать тоже думала, что ты уезжаешь в дикую местность. Помнишь? Она плакала и скорбела неделями».

«Сабра — это другое дело. Сабра — это другое дело».

Хриплый голос больного имел призрачную, разносимую эхом звучность. Его слышали даже над пронзительным криком женщин. «Нет, она не такая, Фелис. В этот момент она больше похожа на тебя, чем ты сама. Она напоминает тех женщин- первопроходцев, о которых Янси рассказывал в старые времена. Посмотри на неё».

Взгляд Венабл, пробежав от одного конца стола до другого, повернулся, словно единственный глаз в глазнице, к молодой женщине, стоявшей перед ними с вызывающим видом. Возможно, это было не столько вызов, сколько решимость. Увидев её, стоящую с поднятой головой рядом с мужем, обнимая ребёнка одной рукой, ты поняла, что слова её отца действительно соответствовали действительности. Она была похожа на свою мать, на Фелис Венабл двадцатилетней давности; она была той женщиной в солнцезащитной шапочке и ситцевом платье, которой Янси дал свою чашку воды; она была той женщиной, которая преодолевала бесконечные мили в крытых фургонах, пряла в бревенчатых хижинах, готовила еду на примитивных кострах; она была воплощением всех женщин, которые путешествовали по американским прериям, пустыням, горам и равнинам. В ней была та внутренняя прямота, та целомудренность речи, та ясность взгляда, та утонченность черт лица, то отсутствие соблазнительности, которое присуще холодному белому огню. Типичная пионерка, как сказал Янси. Потенциально более внушительная женщина, чем её мать.

Увидев в ней что-то подобное, Фелис Венабл повторила, уже громче, словно пытаясь убедить саму себя: «Она не поедет».

Похожая на мать больше, чем когда-либо, Сабра упрямо возразила: «Но я хочу поехать, мама».

«Я запрещаю. Ты не знаешь, чего хочешь. Ты не знаешь, о чём говоришь. Я говорю, что ты останешься здесь со своими матерью и отцом в приличной цивилизации. Я услышала достаточно. Надеюсь, это послужит тебе уроком, Янси».

«Я возвращаюсь в Нацию», — сказала Янси довольно приветливым тоном.

Сабра напряглась. «Я пойду с ним». В порыве новой решимости она, должно быть, сжала руку маленького Сима, потому что тот тихонько взвизгнул. Обе Венаблс, с нервами на пределе, вскочили со своих стульев, а затем с некоторой враждебностью посмотрели друг на друга.

— А я говорю, что ты не поедешь.

— Но я хочу поехать.

— Ты не хочешь.

Возможно, Сабра до сих пор не осознавала, насколько сильно она рассчитывала на возвращение мужа как на тот момент, когда она сможет свободно покинуть семью Венаблов, порвать с кланом Венаблов; больше не быть под их контролем, не быть предметом обсуждений, не подвергаться пристальному взгляду Венаблов — и прежде всего материнскому взгляду Венаблов. Ей было двадцать один год, и иго материнского господства начинало ей надоедать. Теперь, под влиянием собственной внутренней ярости и тошнотворного разочарования всё железо в ней сплавилось и затвердело. Оно реже подвергалось закалке, чем у пожилой женщины. Впервые эта черта её характера сошлась с чертой матери, и металл пожилой женщины согнулся.

«Я пойду», — сказала Сабра Крават.

Если бы в этот момент кто-нибудь посмотрел на Льюиса Венабла (о чем никто и не подумал), он мог бы увидеть призрачную улыбку, на мгновение озарившую прозрачное лицо цвета слоновой кости. Но теперь все замороженные взгляды были прикованы к Янси Кравату. С ковбойским восклицанием он поднял в воздух своими могучими руками вызывающую Сабру и мальчика Сима — подбросил их так, что Сабра закричала, а Сим визгнул от смеси ужаса и восторга. Это был тот вид шалостей (ее слово), от которых Фелис Венабл всегда содрогалась. Вместе взятые, эти трое вдруг показались настоящим оскорблением в этой приличной комнате с ее красным деревом, графинами и кругом пристально смотрящих аристократических лиц.

«Через неделю со завтрашнего дня», — объявил Янси, почти крикнув, настолько это звучало торжествующе. «Мы выедем в понедельник, свежими и бодрыми. Две повозки. Одна с типографским оборудованием — ты будешь за ней рулить, Сабра, — а другая с домашней утварью, постельными принадлежностями, вещами для лагеря и всем остальным. Мы должны добраться за девять дней. ... Вичита!» Его взгляд облетел по комнате, и в этом взгляде можно было увидеть не только Вичиту! но и самих Венаблов! «С меня хватит. Сабра, девочка моя, мы оставим позади всю эту проклятую буржуазную респектабельность Уичито, штат Канзас. Мы уезжаем, черт возьми, в совершенно новую, суровую, бурную страну, полную индейцев, гремучих змей, стрелков с двумя револьверами, грязной воды и отчаянных бандитов! Ура!»

Это было слишком даже для черного Исаяи, сидевшего на своем опасном насесте высоко над столом. Он уже давно перестал размахивать своим веером из спаржи. Он наклонялся всё дальше и дальше вперед, чтобы лучше слышать и видеть всю сцену, развернувшуюся под ним. И вот, услышав ковбойский крик Янси, он резко вздрогнул, его хрупкое удержание ослабло, и он упал, словно огромная чёрная виноградина с лозы, прямо в середину одного из белых и нетронутых глазированных серебряных тортов Фелис Венабл.

Крики, вопли, вскоки. Исаяю вытащили, с белым задом, из центра огромного пирожного. Внезапная сероватая бледность его лица гармонировала с серебристым оттенком задней части его штанов. Фелис Венабл, нервы которой были на пределе, подняла руку, чтобы ловко дать ему пощечину. Но чернокожий мальчик оказался быстрее её. С быстротой дикого зверя он

промчался по столу к тому месту, где стоял Янси Крават со своей женой и ребёнком, ловко спрыгнул на пол, проскользнул между ног мужчины, словно скулящая маленькая собачка, и замер там, укрывшись в безопасности за огромными коленями Янси.

III

Индейцы не были чем-то новым для жителей города Уичито. Сабра видела их всю свою жизнь. Когда Циму было три года, его подняли на руки отец, чтобы он мог понаблюдать за прохождением большого отряда индейцев во время одного из их ежегодных паломничеств. Он, конечно же, играл в индейцев, похлопывая себя по губам, чтобы имитировать индейский крик-йодль. У него был военный головной убор из куриных перьев, пришитых к краю длинной полоски красного ситца.

Дважды в год, в сопровождении старого генерала «Булла» Пламмера, индейцы проносились по улицам Уичито в своих праздничных нарядах — с перьями, бусами, одеялами, цепями — представляя собой великолепное зрелище. Впереди и сзади них виднелся успокаивающий синий цвет армейской формы Соединённых Штатов, которую носил Канзасский полк из Форт-Райли. Все жители Уичито, хотя и привыкли к ним, выбегали посмотреть на них из дверных проёмов магазинов, офисов и кухонь. Мужчины, воины, вожди, индианки, дети; вигвамы, столбы, кастрюли, собаки, пони — кавалькада пронеслась по тихим солнечным улицам этого среднезападного городка, словно яркий цветной фриз на фоне унылой однообразия прерий.

Поздней весной, скорее всего, это были шайены, направлявшиеся на север из своей резервации на Индейской территории, чтобы навестить своих родственников — сиу в Дакоте. Поздней осенью это были сиу, скакавшие на юг, чтобы ответить на визит шайенов. Оба этих племени были «конными индейцами» и принадлежали к племенам равнин; они часто навещали друг друга и были такими же болтливыми и общительными, как старушки на веранде отеля. Обычно они останавливались в пути, чтобы разбить лагерь на ночь за пределами города. Хотя за ними пристально следили военные, им обычно удавалось «по-дружески» присвоить всё, к чему только могли дотянуться — кур, бельё, неосторожно оставленное на веревке, даже одежду с пугалов в поле.

В течение всего года на улицах города всегда можно было увидеть небольшие группы индейцев — каусов, осейджей и понкасов. Они приезжали на пони или в повозках из своих резерваций; покупали бекон, ситцевую ткань, виски, если удавалось его достать. Их можно было увидеть, сидящими на корточках в пыли солнечной улицы, молчаливыми, с темными глазами, отстранёнными. Казалось, они изучают проходящих мимо горожан. Двигались только их глаза. Их одежда представляла собой смесь дикости и цивилизации. Особенно осейджи цеплялись за свои одеяла. Брюки, куртка и даже шляпа могли быть выполнены в традиционном стиле белых. Но поверх всего этого осейджи носили свои полосатые одеяла ярко-оранжевого, пурпурного и красного цветов. Словно они бросали белым вызов, не позволяя отнять у них этот последний знак принадлежности к своей расе.

К этому моменту они казались уже достаточно запуганным народом; грязным, униженным. Со времени резни Кастера в 1876 году их довольно основательно заставили подчиниться. Лишь изредка от какой-то группы из них, казалось, исходила угрюмая, неугасаемая ненависть. У неё не было чёткого выражения. Её не было в их осанке; нельзя было сказать, что она проглядывала из мёртвых чёрных индейских глаз, и её не было нигде на неподвижном лице, похожем на пергамент. И все же где-то в сердце этой умирающей расы тлела черная, неумолимая обида.

Так или иначе — в школе, из книг и газет того времени, из разговоров отца с мужчинами и женщинами его поколения Сабра почерпнула обрывки информации об этих молчаливых, ленивых, но зловещих фигурах. Она была удивлена — даже не могла поверить — пристрастному отношению своего мужа к краснокожим. Это была одна из его нелепостей. Казалось, он действительно считал их людьми.

У него самого наворачивались слёзы, когда он говорил об этом пятне на южной цивилизации — «Тропе слёз», в ходе которой чероки, мирное и привязанное к родному краю индейское

племя, были вырваны из земли, которую правительство предоставило им по клятвенному договору, и отправлены в дальний поход, который из-за холода, голода, лишения крова и душевной боли был отмечен белеющими костями от Джорджии до Оклахомы. У Янси и старого Льюиса Венабла давно затянулась ссора по поводу отношения штата Миссисипи к чокто и жестокости штата Джорджия по отношению к чероки.

«О, эти договоры!» — презрительно фыркнул тесть Янси, возмущённый какой-то язвительной редакционной статьёй, которой Янси оживил страницы газеты «Вичита Вигвам» (Wichita Wigwam). «С дикарями не заключают договоры — и не рассчитывают их соблюдать».

«Вы называете чокто, криков, чикасо, чероки и семинолов дикарями! Это же Пять цивилизованных племён! У них были свои законы, у них была своя религия, они возделывали землю, они были мирными, семейными, мудрыми. Вы бы назвали вождя Апушматаху дикарем?»

«Конечно, сэр! Безусловно».

«А как насчёт Секвойи? Джона Росса? Стэнда Уэйти? Квана Паркера? Они были мудрыми людьми. Великими людьми».

«Дикари, в жилах которых течёт достаточно белой крови, чтобы сделать их вождями своих тупоумных, чистокровных братьев. Крики, сэр» (он произнёс это как «су»), «вступали в смешанные браки с неграми. То же самое делали чокто и семинолы там, во Флориде».

Янси улыбнулся своей обаятельной улыбкой. «Я понимаю, что хотя вы, южане, и не вступали с ними в брак...»

«Брак, сэр, — это одно. Природа, сэр, — это другое. Далеко не стоит заключать с этими существами договоры и отдавать им ценные американские земли, чтобы они называли их своими...»

«Которые и так принадлежали им, пока мы их у них не отняли».

«... — я был бы за их истребление каким-нибудь гуманным, но эффективным способом. Они — нарыв на благородной груди в остальном здорового правительства».

«Сейчас это делается так же эффективно, как только можно было бы пожелать, хотя, возможно, и с небольшим недостатком в плане гуманности».

Сабра слышала много подобных разговоров и от своих родителей ещё до того, как Янси появился в её жизни. Она слышала об этом и в школе. Там подчеркивали их дикость и коварство; их трагедию замалчивали или едва затрагивали. Сабра, если она вообще о них задумывалась, считала их грязными и бесполезными двуногими животными. В детстве она училась в школе, которой руководили сестры Лоретто под юрисдикцией отцов-иезуитов. В начале истории Канзаса, задолго до появления Сабры, эта школа начиналась как миссионерская, и неутомимые иезуитские священники путешествовали по стране верхом, преодолевая утомительные и опасные мили по прериям, чтобы обратить индейцев в христианство. Мать Бриджит, сильная, полная женщина, которой уже перевалило за шестьдесят, проницательная, властная, но при этом странно детская, пришла в миссию девочкой, только что закончившей новициат, в те дикие и суровые времена Канзаса. Она видела, как волю тащили местный жёлтый известняк, из которого было построено здание; она знала, что такое страх перед ножом для снятия скальпа; своими большими, ловкими, странно мужественными руками она посадила первые молодые фруктовые деревья, огород и цветочный сад, которые теперь процветали в окружающей изгороди из осейджа; она руководила возведением самой этой величественной изгороди из прочной, но гибкой древесины, которую французские пионеры-исследователи называли «bois d'arc», потому что в давние времена индейцы изготавливали из него свои луки. Затем жители Канзаса исказили это слово, и теперь эта древесина была известна как «бодарк». В те времена миссия была индейской школой с постоянно меняющейся посещаемостью. В один день там могло быть сорок пар любопытных, безжизненных чёрных индейских глаз, устремлённых на

букварь по чтению, письму или арифметике; а на следующий — ни одного. Племя отправлялось в гости к соседнему дружественному племени. Мужчины и женщины, пони, собаки и дети — все они отправлялись в гостевую поездку: осейджи навещали кау, а кау — квапау. В других случаях их отсутствие могло означать нечто более зловещее — назревающее восстание или нападение на вражеское племя. У матушки Бриджит были ужасающие истории. Она даже могла отпускать мрачные шутки о тех давних временах. «То были времена, от которых волосы вставали дыбом», — говорила она (это был её любимый каламбур), «во многих смыслах, как мог бы подтвердить любой бедный белый поселенец, у которого ножом сняли скальп». » Она научила индейских девочек шить, променять вигвамы на хижины, носить солнечные чепчики и говорить о своих душах и земных бедах Великому Отцу по имени Бог, который был гораздо могущественнее Солнца, Дождя и Ветра, которым они приписывали такую силу. Все это они делали с радующей послушностью неделями, а то и месяцами, после чего выяснялось, что они хоронили своих умерших под хижинами, снимая с пола достаточное количество досок, чтобы выкопать могилу, аккуратно укладывая брусья на место, а затем покидая хижины, чтобы снова жить на открытом воздухе, возвращаясь при этом к одеялам и устраивая сложные умиловительные церемонии в честь различных богов стихий. Мать Бриджит (тогда ещё сестра Бриджит, с румяными щеками в своей косынке, чьи четки стучали, упорно борясь с вероломством дикарей) и другие сестры из Лоретто были вынуждены начинать всё сначала.

Всё это осталось в прошлом. Индейцев согнали в резервации на Индейской территории. Мать Бриджит и её помощницы учили вышиванию, музыке и другим дамским навыкам молодых дам из знати Вичита, носивших чепчики и перчатки. Живая изгородь из осейджа теперь защищала чопорных и послушных барышень там, где когда-то пыталась сдерживать диких обитателей прерий. Дикие обитатели теперь казались достаточно ручными, согнанными в свои резервации, со сломленным духом и уничтоженной гордостью.

Сабра привязала своего ситцевого пони к фаязону (теперь, став зрелой женщиной, ей уже не приличало ездить на нём, как раньше, по ухабистым прерийным дорогам, а её чёрные волосы, заплетенные в длинную густую косу, развевались в такт ударам жёстких копыт). Мать Бриджит находилась в огороде миссии, наблюдая за сбором больших розовых стеблей позднего баклажана. Подол её монашеского одеяния был небрежно задрапирован над туфлями на ремешках, испачканными мягкой глинистой почвой огорода.

«Индианская территория! А что на это скажет твоя мама?»

«Она в ярости».

— Ты хочешь поехать?

— О, да, да! — А потом поспешно добавила: — Конечно, мне не хочется расставаться с мамой и папой. Но в Библии сказано: «Куда бы ты ни пошел...»

— Я знаю, что сказано в Библии, — проницательно перебила старая монахиня. — Почему он хочет поехать... Крэват?

Сабра сияла от гордости. «Янси говорит, что это шанс построить империю на последнем диком рубеже Америки. Он говорит, что законодатели этой территории смогут извлечь уроки из ошибок других штатов, так что когда Индейская территория однажды станет штатом, она будет знать, в чём потерпели неудачу другие штаты, и, зная... мы... сможем избежать ловушек...»

— Чепуха! — перебила мать Бриджит. — Он едет ради приключений. Они всегда так делали, какими бы оправданиями ни прикрывались, от Святого Грааля до калифорнийских золотых приисков. Разница в Америке в том, что женщины всегда ехали вместе с ними. Когда читаешь историю Франции, то как будто заглядываешь в замочную скважину спальни. История Англии — это рыцарский турнир. Женщины, похоже, всегда были похожи на Элейн и страдали анемией. Когда леди Гвиневера прикрепляла бантик к рукаву своего рыцаря, ну, на этом её дело на день было сделано. Он мог ускакать на смерть, а она оставалась дома и вышивала

гобелен. Но здесь, в этой стране, Сабра, девочка моя, женщины — вот кто на самом деле рубил дрова и носил воду. Тебе стоит это запомнить».

«Но ведь именно это и сказал Янси. Точно так же».

«Неужели!» Она встала и освободила пышные складки юбки от поясного шнура, который служил для того, чтобы поднять её над влажной землёй. Она повысила голос, отдавая приказ фигуре, склонившейся над грядкой с баклажанами. «Хватит, сестра Нора, хватит. Скажи сестре Агнес, чтобы сахара было побольше и не так, как в прошлом пироге, от которого сжимается рот». Она повернулась к Сабре. «Когда ты выезжаешь? Как будешь добираться?»

«В следующий понедельник. Две повозки. Одна с типографским оборудованием, другая с домашней утварью и постельными принадлежностями. Янси настаивает, чтобы мы взяли с собой пружины для моей кровати — прямо из нашей кровати здесь, уложенные в повозке».

Мать Бриджит, казалось, не слышала. Она смотрела через сад туда, где прерия встречалась с небом. Ее глаза за очками в стальной оправе видели зрелище, о котором Сабра и не подозревала. — Итак. До этого дошло. Они всё-таки открыли её для белых — землю, которая должна была принадлежать индейцам навсегда. «Пока растёт трава и текут реки». Так гласил договор. Хм. Ну, что же будет дальше!

«О, индейцы...» — сказала Сабра. Ее тон был таким, как будто она говорила о прерийных собачках, семилетних саранчовых нашествиях или любой другой подобной западной напасти.

«Я знаю», — сказала мать Бриджит. «Их не изменишь. Никто не знает этого лучше меня. У меня в школе уже два года подряд учатся индейские девочки. Мы учили их мыться каждый день; они учились шить, вышивать, готовить, читать и писать. Их учили вязанию из шерстяной пряжи, коралловому рукоделию, рисованию и даже живописи и вокалу. Они изучали Евангелие Сына Божьего. Они уходили отсюда такими же опрятными, милыми и воспитанными, как любая девушка, которую только можно себе представить. А через две недели я слышала, что они вернулись к своим одеялам. Говорите, что хотите, но чистокровные индейцы сегодня находятся примерно там же, где и до Джошуа. Ну...»

Сабре всё это было немного скучно. Она пришла в старую миссию не для того, чтобы слушать рассказы об индейцах. Она пришла попрощаться с матерью Бриджит, чтобы та уделила ей внимание и восхищалась ею. Разве она не собиралась стать такой же пионеркой, о каких пишут в книгах?

«Мне пора, дорогая матушка Бриджит. Я только на минутку заглянула... столько дел». Она была слегка разочарована театральностью этого визита.

«У меня для тебя кое-что есть. Пойдем». Она прошла впереди через сад, по песчаным плитам крыльца, в полумрачный, прохладный и с запахом затхлости зал миссии. Она оставила Сабру там и быстро ушла по коридору. Сабра ждала, благодарная за это тенистое убежище после жары канзасского солнца. Она знала этот зал и голые светлые комнаты, выходящие из него, с самого детства. К её носу донёсся аромат хрустящей корочки пирога: конечно же, это была корочка, в которую должны были положить сочный ревень. Где-то за поворотом коридора раздался звук открывающейся и закрывающейся тяжелой двери — шелчок, глухой стук. Она никогда не видела комнату матери Бриджит. Никто не видел. Сабра задумывалась об этом. Сестры Лоретто ничего не владели. Таково было правило Ордена. Притязательное местоимение первого лица они никогда не употребляли. Сабра вспомнила, как однажды утром сестра Инночента вбежала в комнату в сильном смнении. «Наш розарий!» — воскликнула она. «Я потеряла наш розарий!» Нитка молитвенных бус, которую она всегда носила на талии, каким-то образом соскользнула или порвалась и пропала. Они ничего не оставляли себе. В их руки попадали странные, а порой и прекрасные вещи, от которых они немедленно избавлялись. Сабра видела, как мать Бриджит расставлялась с причудливыми предметами. Однажды это был нож для снятия скальпа с коричневыми пятнами, похожими на ржавчину, но не являющимися ею; в другой раз — дощечка для переноски младенцев племени осейдж с ярким и искусно

вышитым бисером кармашком, в котором какая-то индианка носила своих детей, привязанных к своей неутомимой спине. Там висел девиз, вышитый яркими шерстяными нитками рукой какой-то полной надежды эмигрантки из Новой Англии много лет назад. Его завитые буквы гласили: «Музыка обладает чарами, умиротворяющими дикое сердце». Его нашли висящим на стене чуть выше аккуратного маленького салонного органа в хижине поселенца, чья молодая жена и дети были убиты во время внезапного восстания индейцев в его отсутствие.

Внезапно, пока она ждала там в тишине старого здания, Сабру накрыла огромная волна ностальгии по тем самым местам, которые она покидала. Ей казалось, будто она уже оставила позади все эти знакомые вещи своего детства: ситцевого пони и маленький желтый фаэтон; прямоугольник канзасского солнца, неба и сада, видневшийся через дверной проем миссии; запахи, звуки и безопасность самого этого прочного каменного здания. Её потряс ужас. Индейская территория! Индейцы... да как же она может поехать туда жить? Жить там навсегда, до конца своих дней. Её муж, Янси Крават, вдруг стал для неё чужим, незнакомцем, ужасным человеком. Она была Сабра Венабл, Сабра Венабл, здесь, в безопасности, в школе миссии. Она не поедет. Её мать была права.

Открылась дверь в конце коридора. Появилась огромная фигура матушки Бриджит, заполнившая прямоугольное окно и заслонившая солнечный свет. В руках у неё был толстый рулон ткани. «Вот», — сказала она и повернулась, чтобы свет осветил его. Это было одеяло или покрывало, сотканное в виде блочного узора из белого и глубокого, яркого синего. «Это чтобы согреть тебя и маленького Сима в повозке по дороге в индейскую территорию. Я сама соткала его на ручном ткацком станке. Оно не изнашивается. Синий цвет — индейский краситель, и ничто не сможет его выцветить. Ты отправляешься в дикую местность. Но в этом синем цвете есть что-то такое, что делает любую комнату пригодной для жизни, какой бы пустой и уродливой она ни была. Если там тебя спросят, что это такое, скажи им, что это гобелен из Канзаса».

Она прошла с Саброй к фаэтону и достала из вместительного кармана, спрятанного в складках своего платья, маленькое алое июньское яблоко для пони. Сабра быстро поцеловала мать в обе пухлые щеки, запрыгнула в повозку и уложила сине-белое одеяло на сиденье рядом с собой. Её лицо комично скривилось — лицо маленькой девочки, которая притворяется, что не плачет. «Прощай», — сказала она и с удивлением обнаружила, что её голос был не более чем шепотом. И тут, очень жалея себя, она начала плакать, не сдерживаясь, даже когда деловито взяла вожжи в свои сильные молодые пальцы.

Мать Бриджит подошла ближе к рулю. «Всё будет хорошо. Для тех, кто приезжает сюда, не бывает новой страны. Они привозят с собой свои обычаи и свои вещи и делают её похожей на старую так быстро, как только могут».

«Я беру с собой свою фарфоровую посуду, — прошептала Сабра сквозь слёзы, — и моё прекрасное бельё, и набор для камина, который кузен Дабни подарил мне на свадьбу, и моё собственное кресло-качалку, и мою шелковую блузку цвета вина, и несколько черенков из сада, потому что Янси говорит, что там почти ничего не растёт».

За очками глаза мудрой старой монахини были полны сострадания. «Это будет замечательно». Она смотрела, как пони в ситцевой упряжи и фаэтон уезжают по пыльной канзасской дороге. Она повернулась к дому миссии. Четки зазвенели. Радуйся, Мария, полная благодати

...

IV

Малыш Сим вбил себе в голову, что это будет пикник. Он почувствовал запах выпекающихся пирогов и тортов; видел, как набивали корзины. Конечно, если бы не тот причудливый груз, которым были загружены обе повозки, это могла бы быть одна из тех неформальных прогулок в близлежащий лес, которые так любил Сим, где они обедали на свежем воздухе, разбивали лагерь у ручья, и ему разрешалось бегать босиком под прохладным неодобрительным взглядом своей аристократической бабушки. Фелис Венабл ненавидела любые формы пасторального досуга и одним взглядом могла причинить больше неудобств во время обеда на свежем воздухе, чем целый батальон красных муравьёв.

Неделя, предшествовавшая их отъезду из Уичито, была просто сумасшедшей. Фелис до последнего сопротивлялась отъезду и в конце концов приковалась к постели, угрожая скорой кончиной, что, однако, не возымело желаемого эффекта из-за того, что люди, которых, как предполагалось, должно было тронуть её бедственное положение, были слишком озабочены своими делами. Время от времени, заинтригованная стуком, суетой, криками, смехом, ссорами и всеобщим переворотом, сопровождавшим отъезд Крэватов, Фелис поднималась с постели и бледно бродила по дому, выглядя в своём белом халате из димити как желчный и растерянный призрак. Она отдавала приказы. «Возьми это. — Не бери это. Не может быть, чтобы ты оставила их здесь! Твоя собственная тётя Сара Монкриф дю Тисне вышила каждый дюйм этих вещей своими руками—

— Но, мама, ты не понимаешь. Янси говорит, что там почти нет светской жизни, а все довольно грубо и нестабильно—почти дико.

«Надеюсь, это не мешает тебе помнить, что ты — леди. Если, конечно, ты не собираешься стать одной из тех старух в солнечных чепчиках и без зубов, которые, судя по всему, так приглянулись Янси».

Так Сабра Крават взяла с собой в дикую местность на границе все те мелочи и изысканные вещи, которые диктовали ей её воспитание, недостаток опыта и южные семейные традиции. Дюжина серебряных ножей, вилок и ложек с узором «ДеГрасс»; да, к тому же, дюжина серебряных ложечек для кофе после ужина; серебряное блюдо для торта, очень красивая, поддерживаемая тремя массивными серебряными амурами в беззаботных позах; льняное бельё, выпрявленное вручную и украшенное монограммами в виноградных венках; множество белых муслиновых юбок с оборками, вышивкой и накрахмаленных, которые предстояло запачкать в красной глине западной грязи; её тяжелое чёрное шелковое платье из грегена с тремя складками-коробками с каждой стороны, отделанное чёрной пасмантерией; её чёрная шляпа с пятью чёрными перьями; её прекрасная зелёная монашеская вуаль; её тюлевый чепчик с маленькими розовыми цветочками; сорок банок варенья; её собственное кресло-качалка — дамское кресло, сиденье и спинка которого были модно обиты ярким брюссельским ковром. Было две повозки, накрытые брезентом и громоздкие. Посуда, сундуки, постельные принадлежности, ящики были аккуратно уложены в вместительном отсеке одной из них; типографское оборудование, надежно обвязанное и закреплённое, поместилось в другой. В этой повозке находились небольшой ручной печатный станок; две шестиколонные формы; стеллаж для шрифтов (его плотно прибили картоном, чтобы шрифты не высыпались); валики; запас бумаги; банка типографской краски, тубы с краской для печати, коробка с деревянными клиньями, используемыми для фиксации форм.

Для жителей Уичито не было ничего необычного в виде этих огромных крытых грузовиков, которые вскоре с грохотом устремятся к горизонту. Подобные им уже проложили немало колеи на прериях Канзаса. Колонна повозок прокладывала свой опасный путь на запад со времён старого испанского тракта, глубоко изрытого колдобами тяжёлых колёс мексикан-

ских повозок. Те самые индейцы, которые торговали шкурами, мехом и людьми, использовали тропы белых людей для своих торговых путей. И всё же в этой небольшой экспедиции, отправлявшейся в путь, было нечто, в чём сочетались трагическое и нелепое. Мужчина — огромный, причудливый, непрактичный; женщина — сжавшая губы, ужасно решительная, с глазами, устремлёнными неподвижным, невидящим взглядом того, кто знает, что стоит лишь раз моргнуть — и слёзы хлынут потоком; ребёнок, выходящий из себя от волнения и нетерпения отправиться в путь. С того самого дня, когда Янси рассказал о «Бегстве», чёрный Исая умолял взять его с собой. Получив отказ, он дулся целую неделю, а теперь его нигде не было видно.

Упакованные повозки стояли в ожидании перед домом Венаблов. Пожалуй, никогда в истории освоения Запада женщина не отправлялась в пионерский поход в таком наряде. Сабра всю жизнь управляла лошадьми; поэтому теперь она ловко перешагивала с земли на ступицу, со ступицы на верх колеса, устроилась на высоком сиденье повозки и взяла вожжи с ловкостью и внешним самообладанием. Её глаза были огромны, а бледное лицо стало ещё бледнее. На ней было прошлогоднее второе по качеству серое платье из шевиота, с подкладкой, косточками, баской и (хотя для того времени и простое) с плетением по всему лифу в виде замысловатого узора из завитков. Её серая соломенная шляпка была украшена лишь бархатным помпоном и птичкой. Её ноги, в высоких туфлях на пуговицах, с трудом доставали до пола повозки, поэтому в последнюю минуту из дома вытащили подножку и поставили так, чтобы она могла как следует удержаться во время долгой и изнурительной поездки. Этот предмет мебели не больше выбивался из окружающей обстановки, чем сама кучерша. Это была пухлая круглая подножка из красного дерева, обтянутая ярким гобеленом, который вышила бабушка Сабры, когда ещё была прядильщицей. Узор из выцветших алых, жёлтых и синих цветов изображал, по-видимому, пару какаду, сражающихся в розовом кусте. Янси поднял Сима на сиденье с ситцевой подушкой рядом с Саброй. Его короткие ноги в сапогах с медными носками торчали прямо перед ним. Его тёмные глаза широко раскрылись от волнения. «Почему бы нам не поехать?» — требовал он снова и снова, почти криком. Он кричал лошадям, как слышал, что делают возчики. «Вперед, сюда! Вперед! Вперед!» Его бабушка и дедушка, взиравшие на них с внезапной мукой на лицах при виде этой маленькой экспедиции, действительно отправляющейся столь нелепо в неизвестность, перестали существовать для Сима. Пока Сабра вела одну повозку, а Янси — другую, мальчик перемещался между ними на протяжении всего долгого пути, проводя утро на сиденье рядом с матерью, а послеобеденное время — рядом с отцом, с перерывами на дремоту, свернувшись калачиком на подстилке в задней части повозки. Весь первый день с ним было ничего не поделать. Он кричал: «Гиддап! «Хо-о! Ги-оп!» до тех пор, пока не охрип, останавливаясь лишь для того, чтобы стрелять в воображаемых медведей, пантер, диких кошек и индейцев, и в целом доведя себя до такого состояния возбуждения и истощения, что у него заблестели глаза, поднялась температура, и впоследствии ему пришлось с большим трудом давать касторовое масло.

И вот, с рывком, грохотом и громким стуком копыт обе повозки тронулись с места. У Сабры едва хватило времени на один последний отчаянный взгляд на отца и мать, на младших Венаблов, собравшихся в кучу, на чёрные лица слуг, у которых, казалось, все глаза вылезли из орбит. Она была так занята лошадьми, Симом, настолько переполнена головокружительной смесью страха, восторга и какого-то охваченного ужасом счастья, что забыла обернуться и оглянуться, как она намеревалась, словно героиня мелодрамы, на большой белый дом, на живую изгородь, на прекрасный неухоженный сад, на три огромных вяза. Позже она упрекнула себя за это. И она говорила мальчику, в этой голой, бездеревной уродливости города, ставшего их домом: «Сим, ты помнишь желтые и фиолетовые флажки, которые появлялись первыми весной во дворе?»

«Каком дворе?»

— Во дворе у бабушки, там, дома.

— Нет.

— Ой, Сим!

Казалось, что жизнь мальчика началась именно с этой поездки. Четыре предыдущих года его существования словно были стерты из его памяти, как вчерашнее задание с грифельной доски. Сидя рядом с отцом на высоком сиденье повозки, его жаждущий маленький ум впитывал рассказы, которые навсегда стали частью его сознания и повлияли на всю его жизнь.

Они выехали рано утром. К десяти часам глаза мальчика тяжело закрывались от сна. Он упрямо отказывался лечь на матрас внутри большей повозки; отрицал, что ему хочется спать. Сабра уговорила его свернуться калачиком на сиденье повозки, положив голову ей на колени. Она держала вожжи в одной руке; другой рукой обнимала ребёнка. Было жарко, тихо и сонно. Полдень наступил с удивительной быстротой. Они взяли с собой драгоценный бочонок с водой и запас еды, которого, как они полагали, хватит на большую часть пути — соленое свинину, пироги с мясным фаршем и яблочные пироги, хлеб, пончики — но их аппетит был огромным. В полдень они остановились и пообедали в тени. Сабра готовила еду, пока Янси ухаживал за лошадьми. Сим, теперь уже полностью проснувшийся и отдохнувший, с аппетитом ел вместе с ними жареную соленую свинину и картошку, вареные яйца и пирог с фаршем. Ему даже дали один из драгоценных апельсинов, которыми его бабушка и дедушка снабдили его на путь. Всё было очень весело, уютно и непринуждённо. Как бы коротким ни было утро, день почему-то тянулся бесконечно. Сабра начала ужасно уставать, её сковало. Мальчик заныл. Было середина дня, и стояла жара; наступил поздний день; и тогда яркий закат на западе начал раскрашивать небо. Янси, ехавший в повозке впереди, остановился, огляделся, вышел, привязал свою упряжку к одной из группок тополей.

— Мы разбиваем лагерь здесь, — крикнул он Сабре и подошёл к её повозке, готов поднять её и мальчика. Она была скованной, совершенно измученной. Она тупо уставилась на него, а затем оглядела окрестности.

— Разбивать лагерь?

— Да. На ночь. Пойдем, Сим. — Он одним ловким движением снял мальчика с повозки.

— Ты имеешь в виду на ночь? Спать здесь?

Он был совершенно деловит. — Да. Это хорошее место. Вода и деревья. Я разведу костёр, пока ты успеешь сказать «Джек Робинсон». А где, по-твоему, ты собиралась спать? Дома?

Почему-то она об этом не задумывалась. Она не верила в это. Спать на улице вот так, под открытым небом, с одним лишь верхом повозки вместо крыши! Всю свою аккуратную, традиционную жизнь она спала в кровати с балдахином из швейцарского кружева, с тюлевыми занавесками и льняными простынями, сладко пахнувшими солнцем и свежим воздухом.

Янси начал разбивать лагерь. Обязанности этого нового образа жизни уже стали для него привычными. Нужно было собрать дрова, разжечь костёр, вскипятить воду. Сим, теперь уже полностью проснувшийся, побежал следом за отцом и матерью. Мясо начало аппетитно шипеть на сковороде. Изысканный аромат кофе взбодрил их, обещая заряд бодрости.

— Тот рулон ковра, — крикнула Сабра, занятая у костра, Янси, стоявшему у повозки. — Под сиденьем. Я хочу, чтобы Сим сел на него... земля может быть влажной...

Внезапный крик Янси. Визг ужаса из свертка с ковром в его руках — свертка, который вдруг ожил и зашевелился. Янси с ругателью уронил его. Свёрт лежал на земле мгновение, тяжело дыша, затем начал разматываться, пока трое смотрели на него с широко раскрытыми от удивления глазами. Чёрная лапа, мохнатая голова, морда с широко раскрытой пастью и белыми глазами. Чёрный Исайя. Он нашёл способ отправиться с ними на Индейскую территорию.

V

К полудню следующего дня они уже удивлялись, как вообще обходились без него. Он собирал дрова. Разжигал костры. Ухаживал за Симом, как няня: играл с ним, пел ему, помогал укладывать его спать, спал где попало, как маленькая собачка. Он даже помогал Сабре управлять упряжкой, меняя лошадей местами, ведь, в конце концов, в этом не было ничего сложного — нужно было лишь небрежно держать вожжи в пальцах, пока лошади медленно брели по прерии, миля за милей, миля за милей.

Янси обратил внимание на то, как резко изменился ландшафт, когда они покинули Канзас и въехали в Оклахому. «Оклахома, — объяснил он Симу, — это слово из языка чокто. Окла — люди. Хумма — красный. Красные Люди. Так они это называли, когда индейцы пришли сюда жить».

Внезапно и земля стала красной: красная глина, насколько хватало глаз. Реки и ручьи были окрашены в этот цвет, а на закате небо словно отражало его, так что порой глаза Сабры глаза горели от всего этого алого цвета. Когда тропа вела через расщелину в холме, кроваво-красная глина по обеим сторонам напоминала зияющую рану. Сабра съезжилась от этого зрелища. Ей так хотелось зелени Канзаса. Небо над Оклахемой было не голубым, а стального цвета, и весь день над их головами висел медный лист сверкающей жести. Его блеск обжигал глаза.

Для ребёнка это было тяжёлое путешествие. Он то становился неуправляемым, то вялым. Он не мог бегать, за исключением тех моментов, когда они останавливались, чтобы разбить лагерь. Сабра, как ни странно, не обладала тем даром развлекать его, как Янси или даже Исая. Исая рассказывал ему сказки, которые были частью негритянского фольклора, передаваемого из уст в уста на протяжении многих лет. Как и песни, которые он пел, это были примитивные рассказы о горе и испытаниях угнетенного народа и их неизбежной награде в загробной жизни.

«И ангел говорит ему: „Моисей, поднимайся на этот трон и ешь, ведь ты голоден, и выпей, ведь ты изнываешь от жажды, и отдохни свои уставшие и болящие ноги...»

Но когда он ехал с отцом, он слышал захватывающие рассказы. Если это было незадолго до сна, после того как они поужинали пораньше, Янси неизменно начинал свой рассказ с волшебных слов: «Это было именно в такую ночь, как эта...»

За этим следовала легенда о зарытом сокровище. Испанские конкистадоры преодолевали утомительные мили по равнинам, прериям и пустыням, ведомые, возможно, ложными золотыми обещаниями какого-нибудь плененного индейца, жаждущего вернуться в далекий дом своего племени. Как и во всех недавно заселенных странах, здесь ходили сотни таких рассказов. Эта малонаселенная земля была ими полна. Чем беднее был социальный слой, тем ослепительнее казалось сокровище. Эти люди, с трудом добывавшие скудное пропитание на бесплодных равнинах, утешали себя рассказами о зарытом испанском золоте и драгоценностях. Ни один волосатый скваттер или поселенец в своей бревенчатой хижине с женой, кожей цвета пергамента кожей и кучей голявых малышей, не имел какой-нибудь истории о давно искомом сокровище. Сим слышал десятки таких историй, пока они с трудом пробирались по красной глине Оклахомы, переходили реки вброд, миновали небольшие заросли черного ясеня или тополя. Он был полон этих историй. Они стали для него такими же реальными, как сами реки и деревья.

Днём Янси рассказывал ему истории об индейцах. Он научил его названиям Пяти цивилизованных племён, и Сим запоминал сложные индейские слова и повторял их — чероки, чокто, крик, семинолы и чикасо. Он слышал индейскую историю не как рассказ о набегах, скальпировании, томагавках и там-тамах, а как сагу об обманутом и ущемлённом народе. Янси Крават нуждался лишь в слушателе. То, что этому слушателю было всего четыре года и он

совершенно не способен был понять значение услышанного, не имело для Кравата никакого значения. Он рассказал мальчику ужасающую историю о «Тропе слёз» — о народе чероки, простом и оседлом народе, изгнанном из своих домов в Джорджии, как скот, через сотни миль равнин и прерий, чтобы погибнуть тысячами ещё до того, как они достигли выделенных им земель в Оклахоме, причём две тысячи солдат под командованием генерала Уинфилда Скотта подгоняли их ослабевающие шаги.

«Почему они заставили индейцев уйти?»

«Они хотели эту землю для себя».

«Почему?»

«Там был мрамор, золото, серебро, железо, свинец и огромные леса. Поэтому они отняли у них всё это и изгнали их. Они обещали им многое, а потом нарушили своё обещание».

Сабра была потрясена тем, как Сим пересказывал эту сагу, услышанную от других. Он рассказал ей обо всём этом позже, когда сел на сиденье рядом с ней. «Дядя Сэм — злой и подлый человек. Он отнял у индейцев все фермы, золото, серебро и бизонов, заставил их уйти, а они не хотели уходить, и поэтому ушли и погибли».

Он знал о Дэвиде Пейне больше, чем о Колумбе. Он был лучше знаком с Кваной Паркером, команчем, с Элиасом Будинотом и генералом Стэндом Уэйти, его брата — обоих чистокровных чероки, чем с именами Линкольна и Вашингтона.

Сабра, в свою очередь, взялась стереть это впечатление из сознания мальчика. «Индейцы — плохие люди. Они забирают маленьких мальчиков у их мам и никогда их не возвращают. Они сжигают дома людей и причиняют им вред. Они грязные и ленивые, и они воруют».

Она не была готова к истерическому всплеску протеста, который последовал в ответ на эти слова. Мальчик побледнел от ярости. «Это неправда. Ты лгуныя. Я тебя ненавижу. Я не поеду с тобой».

Он даже приготовился спуститься через колесо повозки. Она схватила его одной рукой, резко встряхнула и дала пощечину. Он пнул её. Она остановила упряжку, натянула вожжи, перекинула его через колено и хорошенько отшлёпала. Сквозь слёзы он объявил, что сбежит, присоединится к индейцам и никогда не вернётся. Если бы она могла знать, что его дальнейшая жизнь будет сформирована рассказами Янси и этим происшествием, то, несомненно, её протесты были бы ещё более решительными, чем они были.

— Почему ты не можешь поговорить с ним о чём-нибудь, кроме этих грязных воров-индейцев? Думаю, ему есть чему поучиться об истории своей страны. Джордж Вашингтон, Джефферсон Дэвис и капитан Джон Смит...

— Ты имеешь в виду того, кто женился на Покахонтас?

— Честное слово, Янси, иногда я задаюсь вопросом, не...

— Что?

«О... — ничего».

Но зачастую дни были вполне весёлыми. Они вжились в рутину, приспособились к неудобствам. Сначала Сабра так мучилась от тряски повозки, что к вечеру становилась инвалидом. Янси научил её расслабляться; не напрягаться, сопротивляясь тряске повозки, а легко покачиваться в такт с ней. Уже на второй день её молодое тело привыкло к движению. Она даже начала получать от этого удовольствие, а в конце путешествия скучала по нему, как путешественник в море скучает по качке и наклонам корабля. К этому времени на ней было второе по качеству серое платье из шевииота, расстегнутое у горловины, а волосы были заплетены в длинную чёрную косу. Она выглядела как школьница. Она достала солнечную шляпку, которую одна из менее грозных Венаблс в шутку подарила ей на прощание, и носила её, чтобы защитить глаза от безжалостного блеска неба и равнины. Серая соломенная шляпка, с бархатным оборком и птичкой, покоилась в коробке в задней части повозки. Вид Сабры в этой прерийной пустыне, занятой домашним делом — вымешиванием миски теста для печенья, — никому не

показался несообразным. Запасы хлеба быстро иссякли. Она пекла в маленькой переносной жестяной печи, которую Янси оборудовал для неё.

Что же касается самого Янси, то Сабра никогда не видела его таким счастливым. Он был неутомим, очарователен и разносторонний. Сама Сабра была очарована его рассказами о скрытых рудниках, испанских дублонах, железных сундуках, выпаванных ручным плугом какого-нибудь тощего поселенца, запряженного в спотыкающегося мула. Янси громко напевал отрывки ковбойских песен:

«Когда я был молод, я был беззаботным парнем,
Много веселья с девушками у меня было,
Каждый день я брал одну на прогулку,
И всегда одна была рядом со мной.
Я обнимал их и целовал просто так,
И не одной делал предложение,
Если здесь есть девушка, готовая поцеловать меня,
Она увидит, что я такой же молодой, как и раньше.
Эй, хлипкий хуп-ти-ду,
Как же я люблю петь для тебя.
О, я мог бы петь и танцевать от радости,
Если бы я был таким же молодым, как раньше».

Однажды они видели, как он забил гремучую змею до смерти своим повозковым хлыстом. Они отцепили лошадей, чтобы напоить их. Янси, с хлыстом в руке, отвел их к грязному ручью, а Сим прыгал и кричал рядом с ним. Его два ружья в кобурах лежали на земле вместе с ремнем, который он только что снял с талии. Сабра увидела толстую спираль, зловещую голову. Возможно, она это почувствовала. Она ужасно закричала, застыв на месте. Лицо мальчика было как маска ужаса. Янси размахнулся хлыстом — та тварь вытянула голову, он ударил снова, снова и снова, словно в приступе ярости. Она отвернулась, почувствовав тошноту. Кнут продолжал свистеть и хлестать. Свернутое в кольцо существо лежало, размотанное на ленты. Исайю, хотя он и побледнел от страха, всё же пришлось силой удерживать, чтобы он не бродился среди этой массы в поисках гремучих змей, которые, благодаря сочетанию заката и человеческой слюны, считались оберегом от практически всех известных человеку бедствий. У Сима всю ту ночь мучили кошмары, и он просыпался с криком.

Однажды они увидели фигуру одинокого всадника на фоне закатного неба. По непонятной причине фигура спешилась, постояла мгновение, быстро вскочила в седло и исчезла.

— Что это было?

— Это был индеец.

— Как ты это определил?

— Он спешился с противоположной стороны по сравнению с белым человеком.

В ту ночь не спала Сабра. Она крепко прижимала мальчика к себе. Каждый хруст веточки, каждый стук копыт лошади заставляли её в ужасе вскакивать.

Янси тщетно пытался её успокоить. «Индеец? И что с того? Индейцев нечего бояться. Уже давно».

Она вспомнила слова матери Бриджит. «Они ничем не отличаются. Они не изменились со времён Джошуа».

«Со времён чего?» Он был очень сонным.

«Джошуа».

Он ничего не мог в этом понять. Он снова заснул крепким сном, измученный дневным путешествием.

В Оклахоме в определённые периоды года ветер дует почти без перерыва. А когда идёт дождь, дороги превращаются в скользкие болота из смазанного красного теста, так что повозка

одновременно проваливается и скользит. Два дня шёл дождь, и всё это время они с трудом продвигались вперёд, дюйм за дюймом. Сим завыл, Исайя превратился в дрожащий чёрный комок несчастья, а Сабра думала о своей постели с димити-простынями дома, в Вичите; о саду в прохладе вечера; о семье, собравшейся в столовой; о вкусной еде, непринуждённых разговорах, роскошном комфорте. «Хотите позавтракать в постели, мисс Сабра? Дождливое утро». »

В Пауни Янси заметил свежие следы оленя. Он оседлал лошадь и ускакал. До этого они ловили окуней в ручьях, а Янси подстрелил прерийных куронок и перепелов, которых Сабра изящно приготовила на сковороде. Но это было их первое предчувствие крупной добычи. Сабра не испытывала страха от того, что осталась наедине с двумя детьми. Было середина дня.

Она была счастлива, спокойна. В этой жизни было что-то восхитительно отрешённое. Её чопорная девичья жизнь, которая, поскольку она продолжала жить в родительском доме, продолжалась и после замужества, теперь осталась позади. Впереди её ждали всевозможные неизвестные ужасы и странности, но здесь, в дикой местности, она была в безопасности. Она правила своим маленьким миром. Её муж принадлежал только ей. Её ребёнок — тоже. Маленький чёрный мальчик Исайя был её рабом так же, как если бы Прокламации об освобождении рабства и не было. Здесь, в безграничной свободе прерий, она, по крайней мере временно, находилась вне досягаемости человеческого вмешательства.

Теперь она была рада этой неожиданной остановке. Вместе с Исайей они принесли воду из ручья, постирали несколько вещей и развесили их сушиться. Она искупала Сима. Нагрела воду для себя и с благодарностью приняла ванну. Она поручила Исайе собрать дрова для ужина, пока Сим играл в тени куста дуба. Она была совершенно спокойна. Она прислушивалась к звуку конских копыт, который должен был возвестить о триумфальном возвращении Янси. Она слышала, как Сим играл под деревьями, напевая себе под нос отрывок песни, которую ему научил Янси. Ей стало смутно казаться, что Янси уже давно должен был вернуться. Она тщательно расчесала волосы, наслаждаясь этим движением, закидывая их за голову и сильно наклоняясь вперед в той акробатической позе, которую требовала ее задача. Заплетая волосы, она решила оставить их длинной густой косой, спускающейся по спине. Смело завязав её ярко-красной лентой, она улыбнулась, представив, что скажет Янси. Она привела в порядок повозку. Теперь она, честно говоря, начала беспокоиться. Ничего не могло случиться. Конечно, ничего не могло случиться. А в другой части сознания ей казалось, что может случиться любая из дюжины ужасных вещей. Индейцы. Почему бы и нет? Какие-нибудь дикие звери в лесу. Переломы костей. Падение с лошади. Он может сбиться с пути. Представь, если ей придётся провести ночь в одиночестве здесь, на прерии, с двумя детьми. Вот и небольшая роща из кустарниковых дубов. На земле чуть дальше виднелась череда крошечных холмиков, плавно уходящих к горизонту — уходящих как раз настолько, чтобы скрыть всякие ужасы! Возможно, прямо сейчас какая-то голова лукаво выглядывает из-за края склона, пытаясь разглядеть что-нибудь.

Внезапно охватившая её паника заставила её выйти из повозки с ощущением, что ей нужны рядом свои близкие люди — Сим, Исайя — чтобы с кем-нибудь поговорить. Сима не было рядом, он не играл со своими камешками и веточками. Он ушёл с Исайей собирать дрова, хотя она ему это запретила. Исайя, с длинными руками, полными сухих веточек и мелких сучьев, как раз шел к повозке. Сима с ним не было.

— Где Сим?

Он бросил свою ношу, огляделся. — Я оставил его играть одного прямо здесь, когда пошёл за дровами. Разве он не в повозке?

— Нет. Нет.

— Может, он залез в другую повозку.

«Повозка?» Она подбежала к другой повозке, заглянула внутрь, позвала. Его там не было.

Вместе они заглянули под повозки, за деревья. Сим! Сим! Симаррон Крават, если ты прятешься, я накажу тебя, если ты не выйдешь сюда немедленно. В её голос вкралась пронзительная нотка ужаса. Она начала бегать туда-сюда, звать его. Она начала кричать его имя, и её голос готескно срывался. «Цим! Цим!» Она молилась, бегая, бормоча про себя: «О Боже, помоги мне найти его. О Боже, не дай, чтобы с ним что-нибудь случилось. Дорогой Боже, помоги мне найти его... — Цим! Цим! Цим!»

Она слышала в рассказах пионеров о том, как в 1849 году обоз МакАластера пересекал континент, направляясь в Калифорнию. Отряд Бенсонов отстал, пожалуй, на полдня пути от передовой части, когда разведчики принесли известие о том, что на тропе появились индейцы. Им пришлось немедленно сбить лагерь и поспешить, чтобы присоединиться к передовой части для взаимной защиты. В суматохе и замешательстве обнаружилось, что пропал ребёнок — трёхлетний мальчик. Сначала вся группа искала его уверенно, потом отчаянно, а затем — в полном отчаянии. У родителей пропавшего ребёнка было ещё трое маленьких детей, а четвёртый был на подходе. Каждая секунда задержки означала возможную смерть для всех остальных членов отряда. Им нужно было двигаться дальше. Они обратились к матери. «Я пойду дальше», — сказала она, и обоз продолжил свой пыльный путь по равнинам. Женщина сидела с бледным, как пепел, лицом, каменным выражением, а её глаза были застывшими в каком-то вечном ужасе. Она больше никогда не говорила об этом ребёнке.

«О Боже!» — хныкала Сабра, бегая туда-сюда. О Боже! О, Сим! Сим!

Она подошла к небольшому холмику, который внезапно и неожиданно обрывался в овраг. И там, в ложбине, она нашла его, сидящего перед пещерой в склоне холма, передняя часть и крыша которой были искусно обшиты бревнами, образуя бревенчатую хижину. Можно было пройти в пяти футах от нее и никогда бы её не заметить. Четверо мужчин сидели на пороге у входа в эту грубую хижину. Сим сидел на коленях у одного из них, который раскалывал для него орехи. Они смеялись, болтали, хрустели орехами и в целом прекрасно проводили время. У Сабры внезапно подкосились колени. Она дрожала. Поспешая к нему, она споткнулась. Её лицо странно исказилось. Мужчины вскочили, положив руки на бедра.

— Этот человек раскалывает для меня орехи, — заметил Сим дружелюбно, не проявляя особого радости от её появления.

Мужчина, на коленях которого он сидел, был стройным молодым парнем с песочными усами и красным платком, завязанным по-ковбойски вокруг шеи. Он осторожно поставил мальчика на землю, когда подошла Сабра, и поднялся с какой-то непринужденной грацией.

— Ты сбежал... ты... мы искали повсюду... Сим... — запнулась она и разрыдалась, смешав гнев и облегчение.

Худощавый молодой человек, по-видимому, был их представителем, хотя остальные трое явно были старше его.

«Ой, мне очень жаль, что вы так переживали, мэм. Мы собирались вернуть мальчика в целостности и сохранности. Он, по его словам, забрел сюда в поисках своего папы». Он стоял, слегка и нежно положив руку на голову Сима, и смотрел на Сабру с улыбкой, полной нежности. У него был мягкий, почти ласковый голос юго-западного ковбоя и рейнджера. При этом гнев Сабры, порождённый страхом, исчез. К тому же он был так молод — едва ли больше, чем мальчик.

«Ну, — объяснила она, немного смущённо, — я волновалась... Мой муж ушёл на поиски оленя... несколько часов назад... он не вернулся... а потом, когда Сим... я вышла, а его уже не было. ... Я была так... так ужасно...»

В своём аккуратном сером платье, с волосами, заплетенными в косу и перевязанными ярко-красной лентой, и со щеками, мокрыми от слёз, она выглядела очень бледной и по-девчачьи невинной.

Один из мужчин, который отошёл на небольшое расстояние, делая вид, что это совершенно непринуждённо, вернулся к группе как раз вовремя, чтобы услышать это. «Он вернётся с минуты на минуту», — объявил он. «Он не поймал никакого оленя».

«Но откуда вы знаете?»

Молодой человек с мягким голосом бросил злобный взгляд на другого, и тот, пожилой мужчина, вдруг смутился. Вопрос Сабры остался без ответа. «Не хотите ли присесть и отдохнуть, мэм?» — предложил тот, кто говорил. Слова были достаточно гостеприимными, но в тоне юноши было что-то такое, что дало Сабре понять: ей и Симу лучше уйти. Она взяла Сима за руку. Теперь, когда страх миновал, ей показалось, что она, наверное, выглядела очень нелепо, бежав по оврагу со слезами на глазах, с косичкой и криками. Она поблагодарила их, прибегнув к южному очарованию и южному акценту, которые она часто по праву заимствовала у своих предков по линии Венаблсов для таких особых случаев, как этот.

— Я вам всем ооочень благодарна, — сказала она теперь. — Вы были очень добры. Если бы вы только заглянули в наш лагерь, я уверена, что мой муж был бы рад с вами познакомиться.

Молодой человек улыбнулся еще милее, чем обычно, а остальные посмотрели на него, и на их загорелых от ветра лицах мелькнула необъяснимая искорка юмора.

«Я вам очень благодарен, мэм. Мы собираемся в путь, я и мои друзья. Немедленно. Флойд, а ты не мог бы принести этой даме кусочек оленины, раз уж она лишилась ужина? Ну, если вы с малышом не против сесть спереди и сзади, то я отвезу вас немного назад. Вы, наверное, убежали дальше, чем ожидали, мадам, такая испуганная, как были». На самом деле, в своем ужасе она убежала почти на полмили от лагеря.

Он сел на лошадь первым. То, как он это сделал, было чем-то вроде чуда. В один миг лошадь стояла наготове, а он был рядом с ней. В следующий — сверкнуло, и он уже сидел на её спине. Это было похоже на оптическую иллюзию, в которой он словно притянулся к седлу, как игла летит к магниту. Он подтянул Сима к передней части седла, удерживая его одной рукой; Сабра, сидя на крупе лошади, обхватила обеими руками тонкую талию юноши. Будучи в некоторой степени наездницей, она заметила его изящное мексиканское седло, инкрустированное серебром. По бокам седла висели покрытые волосом карманы, выпуклость которых очерчивала очертания пистолета. Дождевик, какой носят те, кто путешествует по тропам, составлял аккуратный, сложенный рулон позади седла. Лошадь шла плавной походкой, несмотря на такую тройную нагрузку. Сабра поймала себя на мысли, что хотела бы, чтобы эта волнующая поездка продолжалась милями. Внезапно она заметила, что молодой всадник был в перчатках. Вид их вызвал у неё смутное беспокойство, словно пробудилось какое-то воспоминание. Она никогда не видела, чтобы житель равнин носил перчатки. В этом было что-то нелепое.

Примерно в ста футах от лагеря он резко притормозил лошадь, полуповернулся в седле и свободной рукой осторожно спустил Сабру на землю, сильно наклонившись вперед и крепко удерживая Сим и поводья. Он положил ребёнка ей на поднятые руки, развернулся и исчез, не дав ей даже открыть рот, чтобы произнести слово благодарности. Кусок оленины, аккуратно завернутый, лежал на земле у её ног. Она стояла, безмолвно глядя вслед ускользавшей фигуре. Она взяла Сим за руку. Вместе они побежали к лагерю. Исая развёл костёр, а в котле бурлил кофе. Его приветствие Сим прозвучало строго и поучительно. Десять минут спустя вскакал Янси, с пустыми руками.

«Какую погоню он устроил! Дважды я думал, что поймал его. Я бы загнал его аж в Техас, если бы не подумал, что ты будешь—»

Сабра впервые с момента своей свадьбы почувствовала себя выше него; ей надоели его рассказы о подвигах. У неё была своя история, приправленная возмущением. Её не интересовал его мифический олень. У неё был настоящий кусок свежего оленьего мяса, который нужно было приготовить на ужин.

«... и как раз когда я уже была готова умереть от страха, он появился — разговаривал с теми четырьмя мужчинами и сидел на коленях у одного из них, словно знал его всю жизнь, и грыз орехи. ... С ним и со мной могло случиться что угодно, пока ты гонялся за своим старым оленем».

Янси, казалось, меньше интересовала роль, которую она и Сим сыграли в этом приключении, чем внешность и поведение тех четырёх мужчин в ущелье, и особенно того очаровательного молодого человека, который так галантно привёл их обратно.

— У него было худое лицо? И он был молодой? Где-то девятнадцать или двадцать? Что ещё?

— О, тихий голос, и какой-то мелодичный, словно он пел тенором. А его зубы... —

Янси перебила её. «Длинные, да? Я имею в виду те два по бокам. Как у волка?»

«Да. Откуда ты... Ты его знаешь?»

«Вроде того», — задумчиво ответила Янси.

Сабра была уязвлена. «Нам повезло, что это был кто-то, кто, вероятно, знает тебя. Потому что ты, похоже, не особо переживаешь из-за того, что с нами случилось... или что могло бы случиться».

«Ты же говорила, что хочешь отправиться в пионерский поход».

«Ну?»

«Вот и всё. Раздуй огонь, Исайя. Сабра, поставь жариться оленину, которую тебе дал твой друг. Потому что мы движемся дальше».

— Сейчас? Сегодня ночью? Но уже поздно. Я думала, мы останемся здесь на ночь.

— Поедим и пойдем дальше. Сегодня лунная ночь. Мне здесь просто не нравится. Сегодня днем мы потеряли много времени. Будем спешить. Еще день-другой, если повезет, и мы будем в Осейдже, в тепле и безопасности».

Они поспешно поужинали. Янси казался беспокойным, ему не терпелось выехать.

Они тряской ехали дальше. Сим спала, словно маленький комочек усталости, в задней части повозки. Исайя дремал рядом с Саброй, а сама она была полусонная, поводья слабо висели у неё в руках. К ней доносился аромат прогретой солнцем прерии и резкий запах полыни. Когда-то по этой равнине проносились орды индейцев и миллионы бизонов. Она задавалась вопросом, не ступали ли на эту землю — а может, и по этой самой тропе — первые испанцы в своей жажде золота. Коронадо, Де Сото, Нарваэс. Она видела их изображения, этих смуглых «элегантов» в их громоздких нарядах из кожи и тяжелого металла, шагающих по безжалостным равнинам этого обширного Юго-Запада, ищущих, как дети, города из золота. ... Равномерный топот копыт лошадей, грохот повозки, скрип колёс, запах выжженной солнцем земли ...

Должно быть, она задремала, потому что вдруг лучи солнца стали падать под острым углом, и она задрожала от прохлады прерийного ночного воздуха. Её разбудили голоса. Трое всадников выскочили из небольшой рощи и встали на пути передней повозки Янси. Они были вооружены до зубов. Руки их лежали на ружьях. Лица их были суровы. У них были печальные усы типичных жителей западных равнин, глаза — глаза людей, привыкших к большим расстояниям; их взгляд был пронзительным. Все трое носили знаки отличия маршалов Соединенных Штатов, но в их облике было что-то такое, что выдавало их еще до того, как взгляд останавливался на служебных знаках. Лидер обратился к Янси мягким, даже ласковым голосом.

«Привет».

«Привет».

«Куда направляешься, приятель?»

«В Осейдж».

Рука спрашивающего легко лежала на рукоятке шестизарядного револьвера у его пояса. «Как вас зовут?»

«Крэват — Янси Крэват».

Лицо говорящего озарилось медленной, недоверчивой улыбкой восторженного ребёнка. «Чёрт возьми!» Он повернулся со своей медленной улыбкой к мужчине справа от себя, к мужчине слева. «Янси Крэват!» — повторил он, словно они не слышали. «Я действительно рад познакомиться с вами. Столько о вас слышал, что мне казалось, будто я вас знаю».

«Ну, спасибо», — ответил Янси, необычно скромно и лаконично. Сабра поняла, что Янси играет одну из своих ролей. Он будет говорить так же, как они. Станет одним из них.

«Собираетесь надолго задержаться в Осейдже?»

«Собираюсь там жить».

«Ну-ка! У меня такое желание прямо сейчас привести вас к присяге в качестве заместителя шерифа, черт возьми, если я не ошибаюсь. Такие люди, как ты, — это именно то, что нам нужно, без сомнения. Занимаешься юриспруденцией?»

«Да, я планирую открыть юридическую практику в Осейдже, — ответил Янси, — и заодно запустить газету».

Все трое при этом выглядели немного встревоженными. Они переглянулись, потом посмотрели на Янси, а затем, чувствуя себя неловко, отвернулись. «О, газета, да?» В голосе маршала не было особого энтузиазма. «Ну, у нас в Осейдже действительно была газета, но недолго — примерно неделю».

«Ежедневная?»

«Еженедельная».

В этом было что-то зловещее. «А что с ней стало?»

«Ну, похоже, редактор — его звали Пеглер — умер».

Наступила небольшая пауза. Сабра собрала вожжи и подъехала своей упряжкой к упряжке Янси, чтобы лучше слышать. Трое усачей отметили её более официальное присутствие, кратко прикоснувшись к полям шляп указательным пальцем той руки, которая до этого лежала на их револьверах.

«Кто его убил?»

По лицу маршала промелькнула тень болезненного удивления. «Его просто нашли мёртвым однажды утром на берегу реки Канадской. Пулевые ранения. Но пулевые ранения здесь, в этих краях, все выглядят почти одинаково. Может, он и сам себя застрелил, в полном отчаянии».

Снова воцарилась тишина. Её нарушил Янси. «Первый номер газеты „Оклахома Вигвам“ выйдет из печати через две недели со дня завтрашнего».

Он поднял поводья, словно желая положить конец этой случайной встрече, какой бы приятной она ни была. «Что ж, господа, доброго вечера. Рад был с вами познакомиться.»

Трое не сдвинулись с места. «Мы остановились, чтобы спросить вас, — сказал представитель своей мягкой протяжной речью, — не видели ли вы случайно по дороге четверых мужчин? Они где-то здесь укрываются, Кид и его банда. Украли четыре лошади, ограбили банк в Ред-Форке, застрелили кассира и сбежали в прерии. Все они светлокожие. Кид — худощавый молодой парень, светлые волосы, красный платок, тихий голос, ездит в перчатках. Но вы же знаете, какой он, Крават, не хуже меня».

Янси кивнул в знак согласия. «Все слышали о Киде. Нет, сэр, я его не видел. За последние три дня не видел никого, кроме индейца из племени Кау на пони и кучки грязных шайенов в повозке. Забавно, я ещё ни разу не встречал злодея, у которого не был бы светлый цвет кожи — или, во всяком случае, голубые или серые глаза».

— Ой, да ладно вам! — возразил маршал, поглаживая свои песочные усы.

— Это факт. Возьмите Кида, братьев Джеймсов, Тома О'Фаллиарда и всю банду Маллинсов.

— А как насчёт вас самих? По всем рассказам, вы неплохо обращаетесь с оружием. И черны, как ворона.

Янси поднял свою огромную голову и тяжелые веки, которые обычно свисали над серыми глазами, и посмотрел на маршала. «Это правда», — сказал тот, словно соглашаясь в конце спора. «Думаю, это касается убийц и убийц убийц. ... Ну что ж, ребята, мы поскачем. Удачи вам».

«Удачи и вам!» — вежливо ответил Янси.

Все трое эффектно развернули своих коней, подняли правые руки в знак приветствия; лошади изящно вращались на задних ногах; Сим радостно заржал. Они ускакали в облаке красной пыли, которая казалась ещё краснее в последних лучах заходящего солнца.

Янси собрал поводья. Сабра уставилась на него с озадаченным возмущением. «Но тот, кто защищает преступника, ничем не лучше самого преступника, разве не так?»

Янси оглянулся на неё, выглядывая из-за борта крыши повозки. Его улыбка была озорной, искрящейся, неотразимой. «Не играй в праведницу, Сабра. Это типично для среднего класса — и ужасная черта для женщины».

Поздно на следующий день, незадолго до заката, после того как они без усталости пробивались сквозь палящее полуденное солнце, Янси указал кнутом на что-то, похожее на грязевую лужу, усеянную беспорядочными лачугами и палатками. Театрально он поднял Сима на руки, чтобы и ребенок мог увидеть. Но он обратился к Сабре.

«Вот оно, — сказал он. — Это наш будущий дом».

Сабра посмотрела. И в её голове, казалось, не было ни порядка, ни здравого смысла, ибо она могла думать только о зелёной монашеской вуали, отороченной розовыми рюшами, которая лежала так аккуратно сложенной, с модными рукавами, набитыми мягкой бумагой, в сундуке под брезентом повозки.

VI

Еще задолго до конца того первого кошмарного дня в Осейдже Сабра, сверкая глазами, бросила мужу вызов: «Я не буду воспитывать своего сына в таком городе!»

Это была ночь и день, наполненные невероятными и неприятными событиями. Их повозки устало грохотали по широкой главной улице поселения — как рана, прорезанная в прерии. Повсюду, по обе стороны, стояли деревянные лачуги, повсюду были индейцы, засохшая грязь, столбы для привязывания лошадей, собаки и примитивные повозки, подобные их собственной. Все это напоминало Сабре картинки, которые она видела о Калифорнии 1849 года. Они поужинали ветчиной с яйцами, жареным картофелем и мутным кофе в заведении под вывеской «Мороженое и устричный бар». Первую ночь они провели в пансионе над одним из множества салунов, оживлявших главную улицу — она называлась Паухуска-авеню. Это была довольно длинная улица, ведь поселенцы города Осейдж, казалось, почувствовали необходимость сбиться в кучу, чтобы не чувствовать себя одинокими в этой дикой местности. Улица резко обрывалась с обоих концов и внезапно переходила в прерию.

«Паухуска-авеню», — гласила помятая вывеска, прибитая к фасаду сосновой лачуги с фальшивым фасадом. Янси выбрал этот неудачный момент, чтобы поделиться с Симом, широко раскрывшим глаза и сидящим на сиденье повозки рядом с матерью, небольшими знаниями об индейцах.

— Это язык осейджей, — крикнул он мальчику. — «Пауху» — это значит «волосы». А «ска» — это значит «белый». «Белые Волосы». Паухуска — Белые Волосы — был старым вождем осейджей...

— Янси Крават! — крикнула Сабра голосом, почти не уступавшим его собственному, и тоном, поразительно напоминавшим лучшие высказывания Фелис Венабл (она, по сути, была слегка в истерике из-за усталости, разочарования и страха): — Янси Крават, хватит уже рассказывать об истории индейцев, найди нам место, где можно поесть и переночевать! Где твой здравый смысл? Разве ты не видишь, что он готов упасть, да и я тоже?

Жирная еда, поставленная перед ними в закусочной, вызывала у неё отвращение. Она отшатнулась от неряшливой и наглой девушки, которая с грохотом бросила тарелки перед ними на стол, накрытый клеенкой. За этим же столом вместе с ними — а стола был только один, длинная доска, вмещавшая, пожалуй, двадцать человек — сидели краснолицые мужчины, разговаривавшие громкими грубыми голосами, ели с механической и рассеянной тщательностью, загребая в рот ножами картошку, консервированные овощи и пирог. Сим был совершенно бодр и шумно неуправляем, возбуждённый окружающими звуками и незнакомой обстановкой.

«Я индеец!» — кричал он, громко стуча ложкой по столу. «Старик с белыми волосами! Ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва!» Когда его отругали и силой вырвали ложку из его сжимающих пальцев, он разрыдался и завыл.

Сабра отнесла его в маленькую, пустую, но достаточно чистую комнатку, которая должна была стать их пристанищем на ночь. Из состояния бодрствования с широко раскрытыми глазами Сим внезапно обмяк от сна. Янси вышел, чтобы присмотреть за лошадьми, собрать как можно больше информации об аренде дома и лачуги для газеты. В его голове роились десятки планов.

«С тобой всё будет хорошо, — сказал он. — Хорошо выспись, и утром всё покажется радужным. Не хмурься так, дорогая. Тебе здесь понравится».

«Это ужасно! Это... — и эти мужчины! Эти ужасные мужчины».

«„Что касается меня, то я предпочел бы быть первым среди этих парней, чем вторым в Риме“». Янси принял эффектную позу.

Сабра тупо посмотрела на него. «Рим?»

«Плутарх, моя милая». Он поцеловал её и ушёл, развеивая полы своего пальто. Она слышала, как его лёгкие шаги стучали по хлипкой деревянной лестнице. Среди громких разговоров других мужчин внизу она могла различить его красивый, звучный голос.

Мальчик спал в грубой приставочной кровати, придвинутой к их постели. Чёрный Исаяя устроился где-то в маленькой будке снаружи. Сабра с недоверием опустилась на сомнительный матрас. Стены комнаты были тонкими, как вафли; просто сосновые рейки с щелями между ними. С улицы внизу доносился пронзительный женский смех, звук ужасно бьющего по клавишам фортепиано. Проскакали лошади. Слышались голоса, весело приветствующие друг друга; под её окном велись мучительно затянутые разговоры и споры.

«Однажды я продавал тысячу мясных бычков—у меня было стадо примерно на три тысячи голов—и мы с моим бригадиром считали скот, когда он проходил между нами. Ну, эти бычки были дикими длинноногими бегунами—и как бежали! Говорю тебе, они пронеслись между нами, как испуганные волки, и я сбился со счёта...»

«Слышал, что банда Маллинсов въехала туда сегодня утром и опустошила город — оба банка — одиннадцать тысяч в одном и девятнадцать тысяч в другом, а когда они вышли, казалось, будто весь округ поднялся против них...» ...»

«Слушай, это плохой парень, этот тип. У него ядовитый язык, как у гремучей змеи. ... Пики — козырь?»

«Нет, червы. Слушай, я бы знал, как с ним обращаться. Однажды мы разбили лагерь на Амарилло-Крик ...»

Громкий стук в дверь напротив комнаты Сабры. Стук повторился. Затем раздался женский голос — металлический, высокий. «Кто там? Кто там?» Нетерпеливое поворачивание дверной ручки, и грубый мужской голос.

Длительный вопль на улице внизу: «О, Джо! В-о-о-вот твой мул!», за которым последовал взрыв смеха.

И все же каким-то образом она заснула в полном изнеможении, но её разбудили выстрелы из пистолета, серия леденящих кровь криков, грохот и звон разбитого стекла. Затем раздались женские крики, звук скачущих лошадей. Она лежала, съежившись. Сим зашевелился в постели, глубоко вздохнул и снова заснул. Она была слишком напугана, чтобы подойти к окну. Ее дрожь, казалось, сотрясала кровать. Ей хотелось разбудить ребенка, чтобы он утешил её, чтобы с ней был кто-то рядом. Она набралась смелости, подошла к окну и с страхом заглянула на тускло освещенную улицу внизу. Ничего. На улице никого не было. Кровавого тела Янси на дороге не было; никаких людей в масках. Снова ничего, кроме звона стаканов и тарелок; металлического звука фортепиано, шлепанья карт.

Она тосковала с невыразимой тоской не по сладкой безопасности своей постели в Вичите — это теперь казалось ей нереальным, — а по тем ночам в фургоне на прерии, когда не слышалось ничего, кроме шелеста кустарниковых дубов, редкого стука копыт лошадей по сухой глине и журчания близкого ручья. Она посмотрела на свои маленькие золотые часы, на которых были выгравированы птица, ветка, водопад и церковный шпиль. Было всего девять.

Была полночь, когда вошел Янси. Она сидела в постели в ночной рубашке с высоким воротником и длинными рукавами. Ее глаза на белом лице были похожи на две черные дыры, выжженные в листе бумаги.

«Что это было? Что это было?»

«Что было что? Почему ты не спишь, милая?»

«Те выстрелы. И крики. И кричащие мужчины».

«Выстрелы?» Он расстегивал свой широкий кожаный ремень с двумя шестизарядными револьверами, чьи угрожающие стволы выглядывали чуть выше кобуры. Теперь он носил его всегда. Со временем он стал для неё зловещим символом всех ужасов, всех опасностей, которые поджидали их в этой новой жизни. «Да, милая, я не припомню, чтобы слышал какие-то...

О... это!» Он запрокинул свою огромную голову и рассмеялся. « Это был просто ковбой, под кайфом, расстреливающий лампы в салуне Страпа Туркета. По дороге домой он немного развлекался с ребятами. Напугал тебя, да?»

Он подошел к ней, положил руку ей на плечо. Она в ярости оттолкнула его. Она отчаянно прижала ладонь ко лбу. Он был холодным и влажным. Она слегка задыхалась. «Я не буду растить своего мальчика в таком городе. Не буду. Я уезжаю. Я уезжаю домой, говорю тебе».

«Подожди хотя бы до утра, ладно, дорогая?» — сказал он и обнял её.

На следующее утро — каким-то волшебным образом — наступило утро, и ужасы ночи полностью исчезли. Светило солнце. На мгновение у Сабры возникла иллюзия, будто она снова дома, в своей постели в Уичите. Потом она поняла, что это произошло потому, что её разбудил знакомый звук. Это был голос Исайи, доносившийся откуда-то внизу, с пыльного двора. Он чистил сапоги Янси, усердно плевая на них и напевая, пока их натирал. Его хрипловатый, мелодичный голос доносился до неё, пока она лежала там.

«Послушай ягнят, как они все плачут

Послушай ягнят, как они все плачут

Послушай ягнят, как они все плачут

Я хочу попасть в рай, когда умру.

Давай, сестра, со своими взлетами и падениями,

Хочу попасть в рай, когда умру,

Ангелы ждут, чтобы вручить тебе корону,

Хочу попасть в рай, когда умру. »

Хотя слова и звучали мрачно, Сабра знала, что он был абсолютно счастлив.

Предстояло многое сделать — как-то найти жилье — место, где можно было бы разместить типографию газеты. Если понадобится, сказал Янси, они могли бы жить в задней части дома, а в передней части обустроить типографию и юридическую контору. Так поступали почти все, кто вел бизнес в этом городке.

— Домов здесь крайне мало, — сказал Янси, громко фыркая и шмыгая носом над умывальником, пока они одевались. — Приходится брать то, что дают, или жить в палатке. Вчера вечером я слышал, что у доктора Нисбетта есть хороший дом. Пять комнат, и он обеспечит нас водой. На него претендуют с дюжину семей, а доктор независим, как свинья на льду.

Сабра с радостью восприняла эту идею совместить работу и дом. Так она будет рядом с ним весь день. Как только завтрак закончился, она и Янси отправились в путь, оставив Сима на попечение Исайи (под многочисленными и подробными инструкциями Сабры). Она надела свое черное шелковое платье из грегена с тремя складками-коробками с каждой стороны, отделанное пасмантерией и украшенное пуговицами из гагата — немного помятое от долгого пребывания в сундуке — а также свою модную шляпку с пятью страусиными перьями и розовыми розами, которая стоила двенадцать долларов и пятьдесят центов в Уичите, свои лучшие черные козлячьи туфли на пуговицах и черные козлячьи перчатки. В черном шелковом платье с узким баском обхват её талии составлял девятнадцать дюймов, и она очень этим гордилась. Её тёмные глаза, теперь слегка затененные от усталости, волнения и недосыпания, казались огромными под полями романтической черной шляпки с перьями .

Янси, увидев её, одетую в такое великолепие после почти двух недель серого шевиота, принял вид ослеплённого восхищением. Белые стихи вскочили на его готовые к речи губы. «„Но кто это, что за существо с моря или суши — кажется, женского пола — что, столь наряженное, украшенное и веселое, плывет сюда, словно величественный корабль из Тарса, направляющийся к островам Явана или Гадире, во всем своем великолепии...“»

«Ой, Янси, не говори ерунды. Это всего лишь мой второй по качеству чёрный грегрен».

«Ты права, моя дорогая. Даже у Милтона нет слов для описания такой красоты».

«Поторопись, дорогой. У нас столько дел».

С его выющимися локонами, белым сомбреро с широкими полями, сапогами на высоком каблуке, изящной белой рубашкой, широкие полы его платья «Принц Альберт», развевавшиеся и взмывавшие в такт его энергичным движениям, Янси представлял собой не менее поразительную фигуру, хотя, возможно, и не столь необычную, как она, в этот день и в этом месте.

Небольшой беспорядочный городок изнывал под летним солнцем. Небо, которое Сабре предстояло узнать так хорошо, висело над прерией плоским и ослепительным, как серо-голубой металлический диск.

«Ну, Сабра, дорогая, это не так уж и плохо!» — воскликнул Янси и огляделся вокруг. «„И вот Утро, одетое в шафрановую мантию, восстало из потоков Океана, чтобы принести свет богам и людям“».

«Океан!» — повторила Сабра, восприняв слова буквально. «Я видела здесь совсем немного воды... разве что ты называешь эту пустынную прерию океаном.»

«Именно так, моя любимая. Это очень поэтично с твоей стороны. Прерия — это океан земли». Он казался невероятно воодушевленным — почти ликующим. Полы его фрака развевались; он высоко поднимал ноги в своих изысканных тexasских сапогах со звездами. Она вцепилась рукой в руку своего красивого мужа. Воздух был сладким, они были молоды, и на дворе было утро. Возможно, всё-таки всё будет не так уж и ужасно.

Почему-то у неё, Сабры Крават, ещё не было ощущения, что она — часть всего этого. Она была просто наблюдательницей. Первое, что она заметила, выйдя на пыльную улицу в своём модном платье и шляпке, заставило её сердце сжаться. Те немногие женщины, которых можно было увидеть, суетливо снующих туда-сюда, носили солнечные чепчики и ситцевые платья — такую одежду, в которой Сабра видела женщин у себя дома, в Уичите, развешивающих в понедельник постиранное бельё на веревке во дворе. Здесь они выходили из мясной лавки или продуктового магазина с дневным провиантом в руках: пакетом мяса, банками с помидорами или персиками, без обертки. Бросив на Сабру быстрые украдчивые взгляды, они исчезали в той или иной маленькой сосновой лачуге. Сразу же после этого среди чопорных грубых оконных занавесок в этих жилищах, хваставшихся такой элегантностью, поднималось большое волнение.

«Но остальные... — запнулась Сабра. — Другой сорт женщин...»

Янси неправильно понял. «В таком городке, как этот, полно и тех, и других, но в это время суток они не выходят на улицу».

«Не будь таким грубым, Янси. Я имею в виду дам, таких как я сама... с которыми я могу поговорить... которые придут в гости... то есть...»

Он махнул рукой туда-сюда. «Да ты же только что видела нескольких дам, разве не так?»

«Те!»

«Ну, дорогая, ты же не можешь ожидать, что эти дамы будут носить свои лучшие наряды по утрам, чтобы заниматься домашней работой. К тому же большинство мужчин пришли без своих жен. Они пошлют за ними, и тогда у тебя будет полно компании. Не каждая женщина проявила бы такую смелость, как ты, живя здесь в таких суровых условиях. Ты из того же теста, что и Рахель, и мать Гракхов».

Рахель, как она знала, была из Библии; с Гракхами у неё было немного неясно, но она безмятежно наслаждалась осознанием того, что это был комплимент.

В этом маленьком городке с одной-единственной улицей пролегалла нелепо широкая улица — наверняка шириной в пятьдесят футов. Здесь и там от неё отходил тот или иной одинокий дом. Но вся жизнь Осейджа, казалось, сосредоточивалась именно здесь. Ещё можно было увидеть палатки, служащие жилищами. Дома и магазины были построены из неокрашенного дерева. Они выглядели так, будто их соорудили за одну ночь, что, собственно, и было на самом деле. Они сурово выходили на широкую, изрытую колеями дорогу из красной глины, а грязная дорога отвечала им таким же суровым взглядом, и безжалостное небо жгло обоих

с яростной силой, при этом ни одного дерева или клочка зелени, чтобы поднять настроение или успокоить взгляд. К грубым столбам для привязывания лошадей, глубоко вбитым в землю, были привязаны всевозможные повозки: одноколесные тележки, шаткие повозки, обветшалые фургоны, запряженные мулами; тут и там — открытая повозка, покрытая пылью прерий; и повсюду, господствуя над всем, — те четвероногие короли, без которых жизнь в этом отдалённом месте была бы невозможна — лошади всех размеров, пород, мастей и сортов. Индейские пони, пинто, выючные лошади, худые длинно ноги, и изредка — существо с блестящими глазами, которое с презрительным копытом, как будто его предки знали испанские месы, отбрасывало красную глину. Это были прямые потомки лошадиных патрициев, которых почти четырёхста лет назад Коронадо или Москоско привезли через океан в землю Семи Золотых Городов.

Слышались звуки молотка и пилы, лязг цепей, стук копыт — всё это звучало очень отчётливо и чётко, словно этот город-гриб на глазах у зрителя вырывался из красной глины прерий собственными силами. Хотя картина, раскинувшаяся перед Саброй и Янси, была грубой и уродливой, она всё же не выглядела убогой. В ней чувствовалась жизненная сила. Чувствовалось, что за этими голыми досками люди что-то планируют и активно суетятся. В самой атмосфере этого места чувствовалась жизнь. Сами названия, прибитые над витринами магазинов, звучали резко и пронзительно. Сэм Пак. Мотт Бикслер. Страп Бакнер. Айк Хоуз. Клинт Хоппер. Джим Клик.

Хотя они прибыли в город всего лишь накануне вечером, ей показалось, что удивительно много людей знали Янси и приветствовали его, когда они шли по улице. «Привет, Янси! Привет, мэм». Бездельники, развалившиеся в дверных проёмах, любопытно пялились на них. Проскакавшие мимо ковбои бросали на неё долгий пристальный взгляд, в котором всё ещё таилась некоторая застенчивость — мальчишеский взгляд, очень похожий на тот, с которым бандиты встретили её внизу, в долине на прерии, когда узнали, что она — мать Сим.

Сабра внезапно с легким потрясением осознала, что мужчины на самом деле ничего не делали. Они бездельничали в дверных проёмах и у столбов для привязывания лошадей, болтая; их голоса слышались в оживлённых разговорах внутри салунов, магазинов и контор; они грациозно проскакали мимо, развернулись, закружились и снова проскакали обратно. Ей предстояло узнать, что многие из этих мужчин были не строителями, а падальщиками. Неукротимые старые «49-х» не имели с ними ничего общего. Эти же зачастую были изнеженными, жестокими, скрытными и алчными. Они собрались здесь, чтобы подбирать всё, что можно, и уезжать дальше. Некоторые из них были скотоводами, полными обиды на правительство, которое отобрало у них свободные пастбища и передало их поселенцам. Лишившись единственного средства к существованию, многие из них стали преступниками. Вооружённые шестизарядными револьверами, обладая смертоносной меткостью и почти чудесным мастерством верховой езды, они ушли в горы Джип или в Осейдж, набрасываясь из своих тайных укрытий, чтобы терроризировать город, разграбить банк, ограбить поезд и снова ускакать, оставляя за собой кровавый след. Они рисковали жизнью ради нескольких сотен долларов. Здесь простирались обширные земли без письменных законов, без прецедентов, без обычаев цивилизации; часть великой страны, но не входящая в сферу её власти. Здесь лошадь ценилась выше человеческой жизни. Пойманного лошадиного вора без суда и следствия вешали на ближайшем дереве; убийца человека же часто уходил безнаказанным.

По улице шли эти двое в своих нарядных одеждах: мужчина немного вышагивал, как и положено мужчине в белом сомбреро с красивой женщиной под руку; женщина же с интересом оглядывалась по сторонам, испуганная тем, что видела, но решив не показывать этого. Если двоих можно назвать процессией, то Янси и Сабра Крават составляли целый парад, идя по авеню Паухуска в лучах утреннего солнца. Безусловно, они, казалось, вызвали ажиотаж. Худые рейнджеры в повозках поворачивались, чтобы поглазеть. Бездельники, сидевшие в двер-

ных проёмах, толкали друг друга локтями и громко переговаривались. Проскакавшие мимо ковбой кричали приветствия. Это было нереально, абсурдно, гротескно.

«Привет, Янси! Привет, мэм».

Мимо салуна «Ред Дог». Группа людей, сидящих на стульях, прислоненных к стене, или стоящих в сапогах на высоких каблуках и сомбреро, приветствовала Янси с такой фамильярностью, что Сабра была потрясена. «Привет, Сим! Привет, Янси!»

«Он назвал тебя Сим!»

Он проигнорировал её удивлённое замечание. Проходя мимо, он пристально наблюдал за ними. «Ребята что-то затевают. Если они попытаются выделять фокусы, пока ты здесь со мной...»

Сабра, взглянув на группу из-под защищающей её поля шляпы, действительно заметила, что они ведут себя совсем как кучка хихикающих школьников, готовящихся обрушить шквал снежков. Они толкались локтями, шептались — в воздухе витала атмосфера затеваемого тайного проказа.

«Почему они... как ты думаешь, что заставляет их...» — немного нервно начала Сабра.

«О, они, наверное, готовят для меня небольшое посвящение», — объяснил Янси, его тон был непринуждённым, но в глазах читалась настороженность. «Не нервничай. Они не осмелятся вытворять какие-то шалости, пока ты со мной».

«Но кто они?» Он уклонился от её вопроса. Она настаивала. «Кто они?»

«Не могу сказать наверняка. Но подозреваю, что это те парни, которые подставили Пеглера».

«Пеглера? Кто это... о, разве это не тот человек... редактор... тот, кого нашли мертвым... застреленным на берегу... Янси! Ты хочешь сказать, что это они сделали!»

«Я не говорю, что это они сделали... точно. Они знают больше, чем хотелось бы, даже для этих краёв. Я вчера вечером расспрашивал людей, и все молчали как рыбы. Я собираюсь выяснить, кто убил Пеглера, и напечатать это в первом номере „Оклахома Вигвам“».

«О, Янси! Янси, мне страшно!» Она еще крепче вцепилась в его руку. Ухмыляющиеся, лишенные радости лица мужчин на крыльце салуна казались ей клыкастыми и рычащими мордами волков в стае.

«Нечего бояться, дорогая. Они меня знают. Я не тот Пеглер, которого они могут запугать. Им просто не нравится моя белая шляпа, вот и все. Вчера вечером в салуне «Солнечный Юго-Запад» они бросили мне вызов — надеть его сегодня утром. Просто чтобы проверить меня. У них не хватает смелости выйти на открытое место...»

Фраза так и осталась недосказанной. Сабра услышала странный жужжащий звук мимо своего уха. Что-то просвистело — ззинг! Белое сомбреро Янси улетело, кружась, в пыль дороги.

Сабра открыла рот, словно собираясь закричать, но звуки, которые она должна была издать, вырвались слабым хрипом.

— Оставайся на месте, — приказал Янси тихим и ровным голосом. — Грязные собаки. Она стояла как вкопанная. Даже если бы захотела, не смогла бы убежать. Ее ноги вдруг перестали казаться частью ее тела — они были как бы отдалены, таяли под ней, и в то же время покалывали, словно тысячи иголок. Янси неторопливо подошел к месту, где в пыли лежала белая шляпа. Он небрежно наклонился, повернувшись спиной к толпе на крыльце салуна, поднял шляпу, осмотрел её и потянулся к карману за носовым платком. При этом движении на крыльце поднялась суматоха и топот. Опрокинутые стулья рванулись вперед, зазвенели каблуки, хлопнула дверь. Владелец в белом фартуке, который с подносом в руке бездельно стоял в дверном проёме, исчез, словно его поглотила тьма. Из всей группы остались только трое мужчин. Один из них нагло прислонился к столбу веранды, второй осторожно стоял позади него, а третий осторожно пробирался к закрытой двери. Ничто не указывало на то, кто произвёл выстрел, от которого закружилась шляпа Янси шляпа закружилась.

Янси, теперь полуобернувшись к ним, достал из кармана свой изысканный белый платок, разгладил его просторные складки жестом элегантной неторопливости и, держа шляпу в руке, стряхнул с нее пыль. Сделав это, он критически осмотрел шляпу и, казалось, счел, что она почти не пострадала от происшедшего, если, конечно, не считать двух аккуратных круглых дырок, пробитых спереди и сзади через козырек её тульи. Теперь он снова надел её на голову почти вялым жестом, бросил изящный платок на дорогу и почти тем же жестом — или же другим, настолько молниеносным, что взгляд Сабры не успел за ним уследить, — приложил руку к бедру. Раздался выстрел. Человек, который осторожно пробирался к двери, прижал ладонь к уху, отнял руку и посмотрел на неё — она была испачкана тёмной кляксой. Янси по-прежнему стоял на дороге, прижав руку к бедру, а одна изящная нога в изысканном техасском сапоге с высоким каблуком в виде звезды небрежно выдвинулась вперед. Его огромная голова была угрожающе опущена. Его глаза — стального серого цвета под полями белого сомбреро — выглядели так, как Сабра никогда раньше их не видела. Это были ужасные глаза, безжалостные, холодные, гипнотические. Ей на ум приходили только глаза гремучей змеи, которую Янси забил до смерти кнутом во время путешествия через прерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.